

Марина Линник

Потерянные
во времени

16+

Марина Линник

Потерянные во времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66469908

SelfPub; 2021

Аннотация

Таинственный поезд появляется внезапно и идет вне расписания. Откуда он прибыл и куда направляется? Одни говорят, что, затаенный спиралью времени, он уносится в параллельные миры; другие убеждены, что поезд-призрак идет напрямиком в преисподнюю, ибо всегда оказывается предвестником бед и несчастий. Призрачный поезд не делает остановок на станциях и не берет пассажиров. А если найдется смельчак, желающий выяснить природу возникновения этого "исчадия ада", то он бесследно исчезает вместе с поездом в густом молочно-сером тумане. Сумеет ли героиня романа Мишель Мано вернуться в свой мир, разгадав тайну пропавшего несколько десятилетий назад поезда? А может быть, и ее постигнет та же участь, что была уготована пассажирам, отправившимся в увеселительную поездку 14 июня 1911 года?

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	12
Глава 2	27
Глава 3	36
Глава 4	47
Глава 5	56
Глава 6	64
Глава 7	74
Глава 8	85
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Марина Линник

Потерянные во времени

То, что мы знаем, – ограничено,

а что не знаем – бесконечно.

Апулей

Предисловие

– Signore e Signori, – раздался из рупора, установленного на здании вокзала, приятный бархатный женский голос. – Через двадцать минут наш поезд отправится в увлекательную и познавательную поездку. Убедительно просим вас занять свои места.

В здании вокзала, построенного на месте виллы Мантальто-Перетти в 1863 году и превратившегося после реконструкции в один из самых современных вокзалов Европы, и на небольшой привокзальной площади началась суматоха, сопровождаемая возбужденными восклицаниями и криками. Многочисленная разношерстная толпа, состоявшая из пассажиров и просто зевак, устремилась к платформе, где новенький паровоз, казалось, с нетерпением поджидал отправления, как норовистый конь ожидает команды на старт. К нему были прицеплены три вагона синего цвета, на которых красовалась золотистая надпись – «Санетти». Эта фирма при поддержке Римской железной дороги, желавшей привлечь внимание жителей страны к возможностям стремительно развивавшегося железнодорожного транспорта, организовала увеселительный круиз для состоятельных и влиятельных граждан Рима, обещая им незабываемую, фантастическую поездку. Также были приглашены и журналисты, которые должны были освещать и запечатлеть события на

протяжении всего пути, дабы впоследствии написать хвалебные отзывы о преимуществах железной дороги над другими способами передвижения.

– Роберто! Роберто! – раздался взволнованный женский голос. – Ты, как всегда, опаздываешь! Хотя о чем я говорю? Спасибо, что ты вообще оставил все дела и счел возможным провести хотя бы немного времени с семьей.

– Мама, вы ко мне несправедливы, – послышался спокойный ответ представительного молодого человека, подходившего к пожилой женщине, сохранявшей еще черты былой привлекательности. – Я же обещал, что буду вовремя. Кстати, а где отец?

– Сеньор Суардо уже в вагоне и спрашивает, когда вы к нему присоединитесь. Поезд отходит через пять минут, – ответил носильщик, слегка поклонившись солидной даме.

– Ну вот видишь, мой дорогой, ты заставляешь отца переживать, хотя прекрасно знаешь, что врач запретил ему нервничать, – с возмущением произнесла графиня Суардо, глядя на сына. Но в этот же момент неудовольствие на ее лице сменилось сладкой улыбкой. – О, дорогая Альда, вы тоже решили принять приглашение? Как неожиданно! А ваш муж тоже присоединится к нам?

– Увы, нет, милая Тереза, – ответила на приветствие дама некрасивой наружности, но весьма заносчивого вида. – Его задержали в Риме дела, поэтому я еду только с моей племянницей.

– О, это так мило, – щеки графини Суардо зарделись румянцем. – Значит, моему Рокко не будет скучно во время поездки. Вы знаете, – сокрушенно покачала она головой, – мой мальчик совсем не думает о будущем. Все сидит и сидит в библиотеке или ездит на какие-то дурацкие поиски. Вот совсем недавно вернулся из Южной Америки. И что? Ничего, кроме разочарования. Собирался опять вернуться туда, но я уверена: очаровательная Лукреция заставит моего мальчика забыть обо всех глупостях. Дело ли – потопку столь благородного рода, как наш, слоняться попусту по дебрям, есть невесть что и спать бог знает где?

– Сеньоры, прошу вас пройти на свои места, – с почтением обратился к ним кондуктор, одетый в новую форму коричневого цвета с начищенными до блеска пуговицами. – Поезд вот-вот отправится. Прошу вас, господа, поторопитесь!

– Мы ждем вас у себя в купе, графиня, – с улыбкой обратилась графиня Алуффи-Пентини к уже входившей в вагон Терезе Суардо.

– Мы непременно придем, не так ли, дорогой?

– Да, мама, если вы этого пожелаете, – мрачно заметил молодой человек, поднимаясь в вагон вслед за графиней. В самый последний момент он обернулся, ища глазами кого-то в толчее. Наконец, его взгляд разглядел в толпе стройную фигуру молодой женщины, вопросительно смотрящую на него. Роберто слегка покачал головой, а затем указал на последний вагон, в котором ехали журналисты, лотерейные счастли-

ливчики и несколько студентов. Молодая дама слегка кивнула в знак согласия и торопливо проследовала в последний вагон, ловко протискиваясь меж стоявших ротозеев и на ходу показывая какой-то документ кондуктору.

Едва графиня Суардо, ее сын и таинственная незнакомка заняли места в своих купе, как раздался оглушительный гудок паровоза, и вагоны, вздрогнув, медленно покатались мимо провожающих, окутывая их клубами белого дыма.

Маршрут затеянной рекламной поездки пролегал по красивейшим местам Ломбардии. Пассажиры увеселительного поезда с интересом рассматривали удивительные пейзажи, неспешно проплывавшие за окнами. Да и как можно было не залюбоваться голубыми озерами, окруженными живописнейшими лесами и лимонными садами, или могучими реками с прекраснейшими виадуками? Альпийские луга, покрытые сочными ароматными травами; роскошные виллы, красующиеся на берегах прохладных горных озер и овеванные ореолом загадочности, – все эти красоты, преисполненные гармонии, притягивали взгляды людей, сидевших в новеньком поезде. Настроение у всех пассажиров было приподнятое. Организаторы поездки не поскупились: комфортабельные вагоны были оборудованы по первому классу, бесплатное шампанское, предлагаемое путешественникам во время поездки, лилось рекой, а еда была настолько изысканной, что самые изощренные гурманы (а их было в поезде немало) не могли ни к чему придраться. Со всех сторон слышался ве-

сельый говор, смех, шутки и восторженные восклицания при виде очередного открывшегося великолепного вида. Даже самые большие скептики, к коим относился и граф Джакомо Луиджи Суардо, должны были признать, что поездка удалась. Правда, для полноты ощущений недоставало «гвоздя» программы – километрового Ломбардского тоннеля, пробитого в скалах совсем недавно.

Перед въездом в тоннель машинист дал приказ притормозить, давая тем самым возможность репортерам сфотографировать, а пассажирам полюбоваться входом в это сверхсовременное, удивительной протяженности сооружение.

– Многоуважаемые сеньоры! Перед вами чудо, совершенное современной техникой. Я не ошибусь, если скажу, что это шедевр инженерного и строительного искусства, – стоя в дверях одного из вагонов, важным голосом доложил кондуктор появившимся в опущенных окнах путешественникам, с любопытством разглядывающим зияющую черноту тоннеля. – И теперь, *Signore e Signori*, вы увидите наконец-то цель нашего путешествия. В настоящий момент это самый длинный тоннель в Европе, а возможно, и в мире. Его длина составляет один километр. При максимальной скорости (а это около шестидесяти километров в час!), мы смогли бы проехать тоннель меньше чем за две минуты, но в связи с тем, что вы, наверное, захотите разглядеть его более внимательно, мы решили немного сбавить скорость. Поэтому, дамы и господа, занимайте места, закройте окна для вашей же без-

опасности, поезд отправляется!

Когда поезд приблизился к тоннелю, паровоз дал пронзительный гудок и на самом медленном ходу начал въезжать в нутро горы. В тот же момент вход в тоннель заволокло странным густым туманом. Он мало походил на обычный серый смог, временами окутывавший улочки Рима. Нет, это была желеобразная шевелящаяся масса, словно бы вязкая на вид; необычный туман будто бы дышал, тяжело пыхтя и клопоча. Не прошло и десяти секунд с момента появления загадочного вещества в тоннеле, как эта живая губка уже выползла за его пределы и, обволакивая медленно движущийся поезд со всех сторон, начала затягивать состав вовнутрь. Все это сопровождалось низким гулом, доносившимся из тоннеля, который нарастал с каждой секундой. И вот уже новенький паровоз вместе с находившимися в нем людьми, охваченными страхом, увяз в этом белесом облаке, словно растворившись в нем. Затем пугающая пелена подобралась и к первому вагону. К этому моменту всех пассажиров без исключения охватили паника и чувство неминуемой беды. У всех людей одновременно начались жуткие головные боли и тошнота подступила к горлу. Панический страх вырос до леденящего ужаса. Многие женщины забились в истерику, истошными голосами взывая к силам небесным с просьбой о помощи. Кто-то из мужчин метался по вагону в замешательстве, другие пытались открыть окна, чтобы выскочить из поезда, однако их рассудок словно внезапно помутился –

им никак не удавалось это сделать. А между тем поезд медленно погружался в загадочный туман. Не прошло и тридцати секунд, как последний вагон скрылся в белесой гуще на глазах у пораженных людей – тех немногих, которым все же каким-то чудом удалось спрыгнуть в последний момент с проклятого поезда. Еще мгновение, и туман рассеялся, как будто его и не было вовсе. Перед глазами испуганных людей опять зияла черная пустота Ломбардского тоннеля.

– Ч-что это было? И куда, черт подери, делся поезд? – спросил молодой человек мужчину средних лет, сидящего на противоположной стороне насыпи. Но тот был настолько потрясен происходившим, что ответил не сразу.

– Бог мой! – прошептал он, начиная приходить в себя и глядя на зияющую перед ним черную дыру. – Проклятие старой ведьмы сбылось!.. Это не выдумки. Проклятие существует на самом деле... Однако я остался жив, а поезд и те люди по моей вине... О нет! Святая Мадонна!.. Поезд исчез навсегда, потерявшись во времени...

Глава 1

Холодный промозглый ветер гнал пожелтевшие листья по Елисейским полям, подгоняя продрогших людей и заставляя их плотнее заматывать шарфы и глубже надевать шапки или капюшоны. Моросил противный мелкий дождь, от которого не спасали ни зонты, ни накидки. Небо все плотнее затягивалось хмурыми тучами, готовыми в любой момент обрушиться проливным дождем на головы парижан.

Мишель Мано, журналистка газеты «Ле Монд», торопливо шла по улице, кутаясь в поднятый воротник пальто. «Что за мерзкий день сегодня?» – подумала она, доставая из сумочки небольшой складной зонт и раскрывая его. Первые крупные капли дождя уже застучали по листьям деревьев и с каждой секундой ускоряли темп. И вот уже дождь, сопровождаемый сильными порывами ветра, полил так, словно небо прорвало. «Да что с этим зонтом?» Она нажала на заевшую кнопку еще сильнее, но вместо того чтобы раскрыться, купол зонта, так и не раскрывшись, шлепнулся прямо в лужу, оставив в руке Мишель только шток. «Ну просто замечательно! Этого еще не хватало... Вот черт!» Она в сердцах швырнула ненужную ручку на асфальт. «Да что ты будешь делать? Правильно говорят: если не задалось утро, открывай двери и жди неприятностей в течение всего дня». Тяжело вздохнув, Мишель подняла шток и аккуратно, чтобы не за-

пачкаться и не намокнуть (впрочем, молодая женщина уже и так промокла почти насквозь), вытащила купол зонтика из лужи. Беспомощно оглядевшись, она заметила около входа в модный бутик урну и решительным шагом направилась к ней. Около входа стоял охранник магазина и с интересом наблюдал за ней.

– Что? День не задался? – с улыбкой заметил он, когда Мишель поравнялась с ним.

– Да уж, – отмахнулась от него журналистка, – хуже не бывает. А тут еще и дождь, будь он неладен. Вот и зонт сломался...

– У нас имеются в продаже зонты. Может, зайдете?

– Смеетесь? Купить у вас? Да моей зарплаты журналиста хватит только на кнопку от зонтика, – усмехнулась Мишель.

– Ну тогда...

– Я пойду, – перебила Мишель охранника, взглянув на небо.

– Удачного дня, мадемуазель, – искренне пожелал ей мужчина.

Она только махнула рукой в ответ и продолжила путь, то и дело скрываясь от потоков дождя под кронами не до конца еще опавших деревьев. «Удачного дня... да где ее, удачу, взять?»

И действительно, день с самого утра не задался. А началось все с того, что ее разбудил звонок приятеля, сообщившего ей, что он уезжает на неопределенное время к родите-

лям, так как ему не помешало бы, а точнее, неплохо было бы обдумать их отношения, прежде чем принимать решение о совместной жизни. «Какие еще отношения? Мы просто друзья», – пожалв плечами, подумала она, положив трубку. Не то, чтобы женщина сильно переживала по этому поводу. Мишель с самого начала несерьезно относилась к Жану, общаясь с ним исключительно ради того, чтобы просто не быть одной. В тридцать два года она имела за спиной неудавшийся брак, немало разочарований, комплексов и истрепанные разводом нервы. Оставалась только карьера, но после того, как газету продали и там сменилось руководство, об этом тоже можно было забыть. На место уволенного главного редактора, шефа Мишель, с которым она проработала более десяти лет (именно Шарль Мари научил ее всем премудростям журналистского ремесла), пришел весьма амбициозный молодой человек, Лоран Бонне. Новый шеф был близким другом одного из новых владельцев газеты и поэтому считал возможным не обращать внимания на профессиональную этику. В первый же рабочий день «Медный лоб» (так сотрудники газеты прозвали босса за бестолковость и упрямство) вызвал к себе Мишель, сказав, что хочет обсудить с ней некоторые вопросы. Войдя в кабинет и закрыв за собой дверь, она остановилась посреди комнаты, не зная, что ей предпринять. Лоран сидел в кресле, повернувшись к ней спиной, и задумчиво смотрел в окно, попыхивая сигарой.

– Господин Бонне, вы вызывали меня? – наконец выдави-

ла из себя Мишель.

Но тот, казалось, не замечал журналистку и не слышал ее слов. Не желая больше ждать, Мишель решительно направилась к столу главного редактора.

– Господин Бонне, вы хотели со мной что-то обсудить, не так ли? – чуть громче спросила журналистка.

На этот раз ее вопрос не остался без внимания. Главный редактор резко развернулся в кресле и уставился на Мишель, внимательно изучая ее.

– Зачем так официально... господин Бонне. Лоран, зовите меня просто Лоран, Мишель.

– Мадемуазель Мано, господин Бонне, – поправила босса журналистка, не любившая фамильярностей на работе и всегда помнившая о профессиональной этике.

– Ну хорошо, – мерзко ухмыльнувшись, ответил главный редактор. – Мадемуазель Мано... Насколько мне известно, вы уже давно работаете в газете.

– Больше десяти лет, месье, – холодно произнесла Мишель, направив немигающий взгляд на Лорана.

– И часто бывали в этом кабинете? Старикан-то был еще ого-го, не так ли? – рассмеялся главный редактор.

– Я не очень вас понимаю, – холодность сменилась презрением. – Господин Мари был профессионалом с большой буквы и не допускал вольностей, если вы об этом.

– Значит, я ошибся, – рассмеялся Лоран. Потом он жестом указал на стул, стоявший прямо перед Мишель. – При-

сядьте, мадемуазель!

Взяв папку с личным делом журналистки, Лоран Бонне встал из-за стола и стал прохаживаться по кабинету, читая на ходу. Наконец, шеф остановился около Мишель и, окинув ее взглядом с головы до ног, устроился на стуле, находившемся напротив нее.

– Признаться, у вас впечатляющее досье. Вы очень хороший специалист.

– Спасибо, господин Бонне...

– Я еще не закончил, – чуть повысив голос, прервал ее главный редактор.

– Простите.

– Ничего страшного, – со слащавой улыбкой на устах произнес тот. – Вы привыкнете... Так вот, как я уже заметил, бывший главный редактор оставил хороший отзыв о вас и о ваших профессиональных качествах. Но в наше время не только эти способности позволяют людям взобраться на Олимп. Вы меня понимаете?

– Откровенно говоря, господин Бонне, я не совсем уловила смысл ваших слов.

– Хорошо, я выскажусь яснее, – придвигаясь чуть ближе к ней, ответил Лоран. – Дальнейшее продвижение по службе будет зависеть от вашей лояльности.

Сказав это, он положил руку на колено Мишель и слегка сжал его.

– Да что вы себе позволяете? – вскочив со стула, гнев-

но воскликнула журналистка, возмущенно уставившись на него. – Считаете, что если вы главный редактор и имеете связи в руководстве газеты, то вам дозволено распускать руки? Да кем вы себя возомнили? Простите, но мне нужно работать!

Мишель стремительно пересекла комнату и вышла из кабинета, хлопнув дверью. Лоран усмехнулся и произнес вслух, бросив недобрый взгляд на закрывшуюся дверь:

– Ничего, через пару месяцев ты станешь более покладистой и сама будешь умолять меня о встрече, стоя на коленях в этом кабинете.

С того памятного для Мишель дня прошло около трех месяцев. Три месяца ада, по-другому не скажешь: чередой бесконечных придирок, упреков, нападок и недовольных высказываний. Каждую статью ей приходилось переделывать по нескольку раз, ибо ее очерки, эссе и прочие материалы постоянно подвергались жесткой критике со стороны главного редактора. А затем наступила пора, когда ее материалы просто стали убирать из набора.

Так произошло и в это утро. Придя на работу и взяв свежий номер газеты, Мишель не обнаружила своей статьи о преобразовании транспортно-коммуникационных систем городов, хотя собственными глазами видела утвержденную рыбу¹ номера, в котором на второй странице как раз и находилась статья.

¹ Рыба (*журн. жарг.*) – черновой вариант текста.

– Ну все! С меня хватит! – в сердцах вскричала журналистка, швыряя газету на стол. – Да что он себе позволяет, этот клоун ряженный! Хомяк клонированный! Жаба гончая, не отличающая «кернинг»² от «керлинга»!

– Не бери в голову, – посоветовала ей подруга, сидящая за соседним столом, с сочувствием глядя на журналистку. – Ну подумаешь... наплюй на него! Все равно ты ничего не изменишь. Нервы только потратишь. Это шеф тебе назло и делает, пытается вывести из себя.

– Тебе легко говорить, Аннет, – бросив недовольный взгляд в сторону подруги, ответила Мишель. – Твои-то статьи печатаются с завидным постоянством и почти без изменений.

– Что ты хочешь этим сказать? – с вызовом спросила Аннет. – Ты считаешь, что это я подговорила его выкидывать твои статьи из набора? Как ты можешь! Мы же знаем друг друга уже больше двадцати лет! Наши родители были близкими друзьями! Мы же всегда вместе: и в горе, и в радости. Мои дети – твои крестники! А ты...

Аннет залилась горячими слезами. Всхлипывая и что-то бормоча себе под нос, она буквально вылетела из кабинета, прихватив с собой сумочку. Глядя ей вслед, Мишель почувствовала угрызения совести. «Нет, малышка Аннет не способна вставлять палки в колеса. Она не из тех, кто в мутной воде рыбку ловит. К тому же ее больше интересуют трое де-

² Кернинг – изменение межбуквенного интервала в тексте.

тей и муж, которого подруга буквально боготворит (хотя не понимаю, как можно любить это жирное чудовище), неже-ли работа». Да Нетти и осталась после ухода бывшего шефа только потому, что Мишель буквально умоляла не бросать ее одну. «Нет, Аннет тут ни при чем. Это все Медный лоб, будь он неладен». Вместе с тем и она не лыком шита. «По-смотрим, кто кого!»

Взяв в руки газету, Мишель вышла из кабинета и решительным шагом направилась к шефу.

– Господин Бонне велел никого к нему не пускать! – зашебетала тоненьким голоском секретарша главного редактора, самоотверженно бросаясь наперерез журналистке. Но Мишель, грозно поглядев на нее сверху вниз, молча отстранила помощницу рукой и толкнула дверь. Войдя в кабинет, журналистка захлопнула за собой дверь и уставилась на сидящего за столом главного редактора. Тот оторвал взгляд от бумаг и сердито посмотрел на нее.

– Жюли разве не сказала, что я занят? Закройте дверь с другой стороны! И немедленно! – добавил Лоран, повысив голос.

– Сегодня вряд ли удастся так легко от меня отделаться, господин Бонне! – спокойным голосом ответила Мишель. – Я не покину кабинет до тех пор, пока вы не объясните мне ЭТО!

Она бросила на кипу бумаг, лежавшую на столе, газету.

– У вас проблема с глазами, мадемуазель Мано, или вы не

видите, что это новый номер нашей газеты? – язвительным тоном осведомился Лоран Бонне. – Так вам нужен не я, а окулист.

– Я прекрасно вижу, господин Бонне, что это НАША газета, а также вижу, что в ней нет МОЕЙ статьи!

– А-а-а, вы об этом! – нервно рассмеялся главный редактор. – Ну что ж, тогда устроим небольшой дебрифинг... Присаживайтесь, мадемуазель Мано, – подчеркнуто вежливо пригласил он, указывая журналистке на стул. – Итак...

Лоран порылся в бумагах и вытащил оттуда какие-то листы. Бросив на них взгляд, Мишель тотчас же узнала свою статью.

– Итак, мадемуазель Мано, – повторил главный редактор. – Вы пишете: «Первая линия парижского метро... для поддержания качества жизни в городах... транспортные узлы должны преобразить нашу жизнь... станции будущего... узлы должны стать частью культурной инфраструктуры» и т.д. и т.п.... Я уже говорил, что статья хорошая, но сырая.

– Но я же переделала ее, и вы лично ее утвердили. Более того, вчера, в рыбу, она была...

– А потом поздно вечером я сделал вычитку и убрал лишний «компот»³. И вообще, мадемуазель Мано, я давно хотел поговорить с вами... Мне кажется, вы немного выдохлись, а если говорить точнее, потеряли журналистский нюх

³ Компот (*журн. жарг.*) – бесполезная информация.

на «горяченькое». В статьях не хватает перчинки... остренького, что заставило бы наших читателей ахнуть и купить через неделю опять нашу газету, в поисках чего-то интересного, свежего, захватывающего, зажигательного. Нам не нужны нонивенты⁴ при новой политике газеты.

– Вы, видимо, считаете нашу газету желтой прессой, господин Бонне, – холодно заметила журналистка. – Между тем «Ле Монд» – не бульварная газетенка, а солидное издание.

– Ах, ну да, – нервно рассмеялся Лоран, – понятно. Кроме того, это газета, имеющая многомиллионные долги. Не скажете, почему?

– Я не экономист, а журналист, поэтому вряд ли смогу ответить на вопрос, – отрезала Мишель.

– Так вот тогда я отвечу за вас, мадемуазель. Если вы хотите и дальше оставаться ньюсмейкером⁵, а не стрингером⁶, то извольте в дальнейшем приносить статьи, которые будут соответствовать новому курсу нашей газеты. Еще будут вопросы?

– Нет, господин Бонне, – сухо произнесла она, еле сдерживая гнев. – Все предельно ясно.

– Ну тогда вот – новое задание, – он протянул Мишель

⁴ Нонивенты (*журн. жарг.*) – события, не заслуживающие упоминания.

⁵ Ньюсмейкер – человек, чьи материалы попадают в выпуски новостей или газеты.

⁶ Стрингер – частично занятый журналист, получающий гонорар за количество печатных знаков в опубликованном материале.

лист, на котором было что-то написано от руки. – Вам необходимо в самые короткие сроки написать статью о странном событии, произошедшем восемь лет назад. Отправляйтесь в библиотеку и выясните все нюансы.

– Восемь лет назад? – недоверчиво поглядев на шефа, озадаченно спросила Мишель. – И вы считаете, что читателям это будет интересно?

– Будет, тем более что эту информацию только-только рассекретили. И угадайте, кто перехватил ее?

Лоран Бонне самодовольно улыбнулся. «Напыщенный индюк! Самодур! Марионетка дистанционная!» – кипятилась Мишель, идя по коридору редакции. Войдя в кабинет, она плюхнулась на стул.

– Ну что? Доигралась? Лоран уволил тебя? – обратилась к ней уже пришедшая в себя Аннет. – А я тебе говорила: Медный лоб злопамятный мужик. Ты отказала ему, вот он теперь и мстит тебе. И будет продолжать это делать, пока ты не уволишься.

– Да я бы с удовольствием, – ответила Мишель, тяжело вздыхая. – Кстати, я и место себе уже подыскала, но...

– Что «но»?

– Они требуют рекомендацию, а ты знаешь сама, что этот болван напишет. С его способностями пакостить другим людям я вообще не найду нормальную работу. Надо было вместе с Шарлем уходить. Да что теперь кулаками махать... Придется терпеть и приспособливаться. До поры до времени...

А пока, – добавила она, взбив руками волосы, – надо выполнять дурацкие задания и поручения. Боже, как же не хочется! А что сделаешь, надо!

– Куда это ты собралась в такую погоду? – поинтересовалась Аннет. – Взгляни за окно! В такую погоду только дома сидеть, около камина, и потягивать «grand vin»⁷, слушая, как стучат капли дождя по крыше и листьям деревьев.

– В библиотеку, – без энтузиазма ответила Мишель, мельком взглянув на лист, исписанный кривым почерком редактора. – Шеф просил собрать всю информацию о каком-то странном деле и написать статью, и срочно принести ему. К чему такая спешка, если собираешься опять убрать неудобную статью из нового номера? Ладно, Нетти, я пошла. Вечером позвоню. Пока!

– До вечера, дорогая! – помахала ей вслед Аннет. – Не забудь звякнуть!..

...Кое-как добравшись до здания библиотеки, Мишель Мано открыла дверь и вошла вовнутрь, впустив за собой все признаки непогоды.

– Мадемуазель, мадемуазель! – услышала журналистка чей-то испуганный голос. – Немедленно закройте дверь! Неужели вы не понимаете, как это опасно для... книг! О Боже!

Мишель повиновалась тотчас же, хотя просьбу незнакомки ей удалось выполнить с большим трудом из-за сильно-

⁷ Grand vin (фр.) – вино лучшей марки.

го порыва ветра, ворвавшегося в зал. Он принес с собой несколько листьев платана и раскидал лежавшие на столе листки бумаги. Повернувшись, она обнаружила стоящую около себя немолодую, небольшого роста, чуть сгорбленную женщину, одетую очень скромно, но с большим вкусом. «Да-а-а, – подумала про себя Мишель, разглядывая пожилую даму, – со старшим поколением уйдет и неповторимый французский шарм. Как жаль! Куда катится мир!»

– Мой Бог! – всплеснула руками библиотекарь. – Да вы, моя дорогая, промокли насквозь! Так и воспаление легких получить можно! У меня в каморке найдется кое-какая одежда. Она, без сомнения, не такая модная, как у вас, зато сухая, а это сейчас главное... Пойдемте, пойдемте!

Растерявшись, Мишель не знала, как ей поступить, но, поддавшись на уговоры незнакомой женщины, все-таки решила последовать за ней. Войдя в каморку, находившуюся в самом дальнем углу библиотеки, журналистка огляделась. Обшарпанные стены, прикрытые плакатами с живописными природными видами, старый диван, аккуратно застеленный клетчатым пледом, круглый стол, стоящий посередине и накрытый ажурной скатертью, старинный шкаф и ширма, видавшая виды – в обстановке сквозила бедность, старательно завуалированная стараниями и вкусом пожилой дамы.

– Простите, что вынуждена принимать вас в столь убогом месте, мадемуазель, – извинилась библиотекарь, слегка покраснев, – но субсидий, выделяемых из бюджета, едва хвата-

ет лишь на то, чтобы отремонтировать крышу и поддерживать нужную температуру в помещении. Ах, да, еще на двух кошечек, которые защищают наши бесценные сокровища от грызунов!

– Ну что вы, – смутившись еще больше, пробормотала Мишель, – не надо извиняться!

Работница библиотеки открыла шкаф и критически оглядела висевшую внутри одежду.

– Вот это, я думаю, подойдет вам. Примерьте! – протянула она Мишель платье. – Оно чистое, не волнуйтесь... А сверху набросьте вот эту пелеринку. Я ее сама связала, – с гордостью проговорила пожилая женщина, протягивая изумительную по красоте шаль.

– Спасибо большое, – с благодарностью поглядев на любезную даму, произнесла Мишель и исчезла за ширмой.

«Как приятно снять с себя мокрую одежду. Да хранит Господь эту милую женщину», – подумала Мишель, натягивая на себя платье и закутываясь в шаль.

– Ну вот, теперь другое дело, – улыбнулась библиотекарь, разглядывая журналистку. – Давайте вашу мокрую одежду. Я повешу ее на батарею.

– Огромное спасибо, мадам...

– Мадам де Фарси, дорогая. Можно просто Адель.

– Мишель Мано, журналистка газеты «Ле Монд», – представилась молодая женщина, улыбнувшись в ответ.

– Очень приятно, – протягивая руку для пожатия, ответи-

ла мадам де Фарси. – Чем я могу помочь?

– Мне поручили написать статью, а для этого необходимо поднять подборку газет за 1955 год.

– Хорошо, дорогая. Я помогу найти вам нужный стеллаж. Пойдемте!

Глава 2

Не прошло и пяти минут, как Мишель уже сидела за большим библиотечным столом. Перед ней лежали подшивки старых газет, за 1955 год. Поблагодарив работницу библиотеки за помощь, журналистка вытащила из сумки сложенный листок и, развернув, быстро прочитала его.

– Если не возражаете, моя дорогая, я заварю чай. Судя по объему этих папок, вы останетесь тут надолго, – оглядывая гору запыленных газетных подборок, добродушно предложила пожилая библиотекарь.

– Благодарю, Адель, – улыбнулась Мишель и, прочитав еще раз листок, данный главным редактором, глубоко вздохнула.

– Что за бред! – вполголоса пробормотала журналистка. – Как такое возможно? Очередная утка, годная лишь для желтой прессы. Какой здравомыслящий человек поверит в эту чушь?

И точно, поверить в историю, записанную на листке, было сложно. «Потерянный во времени самолет появился спустя тридцать семь лет в Каракасе. Подтверждением этого факта служит записанный на пленку сеанс радиосвязи между пилотом и диспетчером. Опять-таки решающим аргументом того, что это не розыгрыш, являлся выпавший из кабины пилота календарь, датированный 1955 годом. Срочно! Собрать пол-

ную информацию об исчезнувшем самолете и подготовить статью об этом случае, опираясь на данные заместителя министра гражданской авиации Венесуэлы Рамона Эстова. Самый поздний дедлайн⁸ – среда!» То есть в распоряжении журналистки только сегодняшний вечер. Как можно узнать о том, о чем ты на данный момент и понятия не имеешь, да еще в такие короткие сроки? «В противном случае мне придется поднимать вопрос о вашей профессиональной пригодности», – напоследок произнес главный редактор, провожая выходящую Мишель ехидным взглядом. «Как можно написать статью, опираясь только на непроверенные факты, и при этом не выглядеть смешной? Лоран специально подсунул мне эту бумажку, заведомо зная, что это задание – провальное. Черта с два, я не сдамся!»

Мишель открыла первую папку и начала листать выцветшие газетные листы. Первая подборка, вторая, третья, четвертая... Мишель настолько погрузилась в чтение и просмотр статей, что ничего не замечала вокруг: ни появившегося чая, ни включенного света, ни того, что день постепенно сменился вечером. Время шло, а нужный материал так и не попадался. Журналистка захлопнула очередную папку и закрыла ладонями лицо. «Боже, как я устала!» Внезапно она услышала голос пожилой дамы:

– Моя дорогая, а не эту ли статью вы ищете?

Мишель встрепенулась и повернулась к столу, за которым

⁸ Дедлайн – время, к которому материал должен быть сдан.

сидела Адель. Встав, она подошла к женщине и взглянула на газетный разворот.

– «Загадочное исчезновение рейса 914», – прочитала журналистка вслух. – О, мадам де Фарси, вы спасли меня. Как же я благодарна вам! – приобняв женщину за плечи, воскликнула Мишель.

– Вот и хорошо, – лицо пожилой дамы озарилось счастливой улыбкой, – изучайте эту статью, а я поищу информацию о вашем самолете в другом месте. В каком году он появился вновь, вы говорили?

– В 1992 году, в Каракасе.

– Хорошо, это найти намного легче.

– Спасибо большое за все! – с нежностью во взоре произнесла журналистка, не зная, как еще выразить благодарность Адели.

– Люди должны помогать друг другу, – ласковым голосом ответила библиотекарь и пошла к стойкам, где стояли газетные подборки за 1992 год.

«Второго июля 1955 года, выполняя чартерный рейс 914 из Нью-Йорка в Майами, самолет исчез самым загадочным образом. На борту находились пятьдесят семь человек и четыре члена экипажа. Были организованы поиски, не давшие никакого результата. Специалисты военно-воздушных сил не обнаружили ни единого признака крушения самолета. Различные версии произошедшего странного события так и не смогли объяснить, как, а главное, куда, мог подеваться

рейс 914. Случай с этим самолетом так и останется загадкой современности». Все, больше ничего. Ни единого упоминания ни в одной другой газете.

Мишель пожала плечами. «И что дальше? Исчез самолет, испарился. Да его просто сбили те же самые военные, а потом концы в воду. Поэтому и информацию по нему засекретили».

– Вот, моя дорогая, посмотрите, что мне удалось найти в одной бульварной газетенке. У нее и тогда уже был маленький тираж, а восемь лет назад ее и вовсе закрыли... «21 мая 1992 года в аэропорту Каракаса приземлился винтокрылый самолет старой модели. Впрочем, на него никто не обратил бы особого внимания, если бы не странное появление этого борта: он не был виден на радаре. Да и переговоры с летчиками поставили в тупик диспетчеров. Летчики были напуганы и все время твердили, что они должны были приземлиться не в Каракасе, а в Майами. Более того, приземлившись, летчики загадочного рейса были охвачены паникой при виде реактивных самолетов. Открыв люк, один из летчиков приказал отойти от самолета наземным службам, так как не собирался тут оставаться. При этом он размахивал какими-то листами, из которых выпал маленький календарик. Вновь вырулив на полосу, самолет взлетел и исчез в небе. Больше его никто не видел»... Что вы на это скажете, моя дорогая?

– Видимо, газету закрыли как раз после этой статьи, – предположила Мишель, пытаясь разглядеть дату выпуска. –

Тогда произошла утечка информации, которую власти тщательно скрывали.

– А сейчас? У вас не начнутся неприятности из-за написанной статьи? – испуганно посмотрев на журналистку, спросила Адель.

– У меня точно будут проблемы, если я НЕ напишу эту статью, мадам де Фарси, – усмехнулась Мишель.

– Тогда не буду больше отвлекать вас пустой болтовней, моя дорогая, – засуетилась библиотекарь. – Работайте, а я сейчас принесу что-нибудь поесть.

– Принесете? Но откуда? – удивленно поглядела на нее журналистка.

– Неподалеку в одном кафе работает мой племянник. Сейчас я позвоню ему, и он приготовит что-нибудь вкусненькое. Работайте!

– Но мне так неудобно, – запротестовала Мишель, совершенно смущенная добротой и заботливостью пожилой женщины.

– Не стоит волноваться, моя дорогая. Мне так приятно о ком-то позаботиться. Я ведь совершенно одинокий человек. Кроме племянника, живущего своей жизнью, у меня никого нет... Все-все, не буду отвлекать! – засуетилась мадам де Фарси, удаляясь.

Мишель посмотрела ей вслед с грустью. «Как жалко эту милую женщину. Она такая очаровательная... Надо будет почаще навещать ее!»

Вернувшись за свой стол, журналистка довольно-таки быстро написала статью по имеющимся данным, упомянув мнение замминистра. «Это явно не понравится Лорану. Да наплевать! Неужели он мог подумать, что я поверю во всю эту чушь!»

Уже сидя за столом в каморке и с аппетитом поедая бифштекс с жареным во фритюре картофелем, она поделилась с Аделью мыслями о невероятном происшествии.

– Адель, вы считаете, что рейс 914 действительно мог появиться в Каракасе через тридцать семь лет? Как такое могло произойти? Это явно чья-то шутка.

– Не скажите, моя дорогая, – не согласилась с ней мадам де Фарси. – В истории случались подобные исчезновения. А вера моряков в «Летучего голландца»? А исчезновение целой военной эскадры в США в 1945 году? Как вы объясните эти события?

– Никак, – пожала плечами журналистка, не желая соглашаться с доводами мадам де Фарси. – В первом и во втором случаях имели место грубые ошибки людей, управлявших судами и самолетами, и приведшие к катастрофам, потом обросшим тайнами. Возможно, это позволило не привлекать кого-то к ответственности за неправильные решения.

– Вы так считаете? – загадочно улыбнувшись, спросила Адель. – Интересно, а что вы на это скажете...

Она встала из-за стола и вышла из каморки. Через несколько минут пожилая женщина вернулась, держа в ру-

ках тяжелую папку, покрытую пылью. Положив ее на стол, мадам де Фарси долго листала пожелтевшие страницы, пока не открыла на нужной.

– Читайте, моя дорогая. Может быть, эта газетная статья избавит вас от несколько скептического подхода к событиям, произошедшим на самом деле.

– «14 июля 1911 года с Римского железнодорожного вокзала отправился прогулочный состав из нескольких вагонов. Увеселительная поездка была организована компанией «Санетти» для самых уважаемых граждан нашего замечательного города. Целью поездки был осмотр самого современного тоннеля, прорытого в Ломбардии. Но в тот самый момент, когда поезд начал приближаться к нему, стали происходить весьма странные вещи. По свидетельству двух счастливицков, которым удалось благополучно соскочить на ходу, из тоннеля, навстречу поезду, пополз густой молочного цвета туман, поглотивший и состав, и всех пассажиров. Поезд вошел в тоннель и... пропал. На станции назначения состав так и не дождался. Взволнованные работники железной дороги, представители компании «Санетти» и полиция так и не обнаружили ни единого следа пропавшего поезда. Был осмотрен каждый дюйм тоннеля, но причины таинственного исчезновения так и не были найдены. В итоге сто четыре человека исчезли бесследно! Пусть Господь спасет эти потерянные души!»

– Ну что, моя дорогая, что вы скажете на это? – хитро

улыбнувшись, спросила пожилая дама. – Вы все еще считаете эти исчезновения чьей-то неудавшейся шуткой или грубыми ошибками людей, как вы изволили выразиться?

– Да как вам сказать, – нерешительно произнесла Мишель, ошеломленная прочитанной статьей. – Я даже не знаю, что и ответить. Однако должно же быть какое-то логическое объяснение случившемуся?

– Его нет, – просто сказала мадам де Фарси. – Вот поезд был, а затем просто исчез!.. Уже поздно, моя дорогая, – посмотрев на часы, показывающие половину двенадцатого, добавила пожилая женщина. – Может быть, вызвать такси?

– Да нет, благодарю. Я доберусь на метро... Я провожу вас? Вы далеко живете?

– Нет, дорогая, я живу в этом же доме. Удобно, верно?

– Да, это моя мечта – жить там, где работаешь. Так много времени уходит на дорогу!

– Как знать, как знать, – уклончиво ответила мадам де Фарси, передавая Мишель ее одежду. – По-моему, все вышло.

– Спасибо, Адель, что бы я без вас делала, – мягко произнесла Мишель и, взяв одежду, спряталась за ширму.

Уже прощаясь с гостеприимной хозяйкой библиотеки, журналистка попросила разрешения почаще навещать пожилую женщину. Получив согласие, Мишель нырнула в промозглую темноту улицы, пообещав себе, что непременно навестит мадам де Фарси в будущую субботу. Впрочем, из-за

страшных событий, произошедших на следующий день, ее обещание было выполнено намного раньше, чем она планировала.

Глава 3

Оказавшись на улице, Мишель поежилась. «Как же хорошо было в библиотеке», – подумала она, вспомнив уютную каморку мадам де Фарси. Журналистка поглядела на часы. «Господи, надо поторопиться, а то придется добираться до дома пешком. Ведущие журналисты у нас не зарабатывают даже на такси», – усмехнулась Мишель, ругая про себя и руководство газеты, и то «безглазое чучело», случайно въехавшее в ее машину вчера вечером. «Не жизнь, а сплошная полоса препятствий!» Когда журналистка добежала до ближайшей станции метро, на циферблате ее часов было без десяти минут час. Спускаясь вниз по лестнице, Мано посмотрела на платформу. «Никого. Да и кто может быть здесь в такой поздний час? Разве что только такие сумасшедшие, как я». В задумчивости Мишель медленно шла вдоль платформы, и стук ее каблучков разносился эхом по пустынному вестибюлю станции. Подойдя поближе к краю платформы, она заглянула в черную дыру тоннеля, гадая, скоро ли придет поезд. Его пока не было, и журналистка, отвернувшись от тоннеля, пошла дальше. Но не прошло и двух минут, как вдалеке начал нарастать шум быстро приближающегося состава. Что-то в этом звуке насторожило Мишель, заставив обернуться. Гул был настолько сильным, что от рева начали подрагивать лампы. Женщину охватило какое-то смутное беспокойство, хо-

тя видимых причин для него пока не было. Внезапно темноту тоннеля прорезал стремительно приближавшийся единственный луч света. В ужасе Мишель попятилась назад и отступала до тех пор, пока стена не преградила ей путь. А между тем вслед за грохотом, доносившимся из тоннеля, начал медленно выползать молочный туман. И тут из черной дыры выскочил поезд. Возглас изумления, вырвавшийся у Мишель, утонул в грохоте колес. Она не могла поверить своим глазам! «Нет, нет, это мне только кажется! Только кажется... Я же не сумасшедшая! Это просто игра воображения», – пыталась молодая женщина убедить себя, дрожа всем телом от страха. А тем временем перед ее глазами следом за старинным локомотивом появились три синих вагона с какой-то красивой золотистой надписью. Неожиданно она поймала себя на мысли, что уже видела этот поезд! Да-да, видела, и совсем недавно, но вот где...

– Господи! Да быть этого не может! – остолбенела Мишель, пораженная мыслью, которая внезапно осенила ее. – Неужели это тот самый... Но КАК? Каким образом поезд, исчезнувший в 1911 году, мог оказаться в 2000-м? Мистика! Обман зрения!

Мишель беспомощно огляделась по сторонам, пытаясь найти кого-нибудь, кто стал бы свидетелем происходящего. Но, увы, она была на платформе одна, как и прежде. А тем временем поезд-призрак, вокруг которого вновь начал собираться густой белесый туман, достиг противоположного

въезда в тоннель и исчез в нем, унося за собой три новеньких вагона с плотно закрытыми окнами. Не прошло и десяти секунд, а от видения не осталось и следа: ни тумана, ни грохота. Все исчезло, как будто ничего и не было вовсе.

– Мадемуазель, поезд отправляется. Вы будете садиться? Метро уже закрывается, – услышала Мишель сквозь забытье. Вздвогнув от неожиданности, журналистка растерянно оглянулась вокруг себя и остолбенела во второй раз за этот вечер. Напротив нее стоял вагон обычного парижского метро. Двери поезда были открыты, а из первого вагона высовывалась голова машиниста, что-то кричавшего молодой женщине.

– Мадемуазель, так вы садитесь в вагон или нет? Я больше не имею права стоять.

– Да-да, – спохватилась Мишель и быстрым шагом последовала в вагон. Уже выйдя на нужной станции, она подошла к машинисту и спросила его:

– Вы ничего не заметили странного, когда подъезжали к станции «Георг V»?

– Нет, ничего, – пожал плечами машинист, внимательно посмотрев на журналистку. – А что я должен был увидеть?

– Да так... не имеет значения, – пробормотала Мишель, рассеянно посмотрев на мужчину, – видимо, я просто устала. Заработалась, так сказать. Спокойной ночи!

– И вам спокойной ночи, мадемуазель, – глядя вслед удалявшейся женщине, ответил машинист.

Придя домой и приняв душ, Мишель буквально упала на

кровать и забылась тревожным сном...

– Ты еще спишь, соня? – услышала журналистка голос Аннет, подняв телефонную трубку. – Как можно спать, когда произошло ТАКОЕ несчастье?

– Нетти, не кричи! – взмолилась Мишель. – Я до ночи работала в библиотеке. Вернулась домой только в два часа.... Сколько времени?

– Уже почти десять! Медный лоб уже требует тебя к себе!

– Да ладно, он подождет. Ты скажи, что стряслось? Что-то с детьми? С мужем?

– Мой Бог, к счастью, нет. У Филиппа сегодня выходной, а детей я отвезла в школу.... Включи телевизор, там показывают новости по всем каналам. Не задерживайся! О Лоране я позабочусь сама, не волнуйся! Жду!

– Спасибо, Нетти, – пробубнила Мишель, потягиваясь и зевая.

Она никак не могла проснуться. «Да уж, вчерашний день дает о себе знать».

Заставив себя подняться с кровати, журналистка взяла пульт и включила телевизор. То, что молодая женщина увидела, заставило ее моментально проснуться.

– «Около восьми тридцати утра, не доезжая до станции «Темпель», пять вагонов сошли с рельсов по непонятным пока причинам. Жертвами аварии во французском метро стали около пятидесяти человек, более трехсот человек с

различными травмами госпитализированы в несколько больниц Парижа. Авария произошла в самый час пик, именно этим и объясняется такое число жертв. По предварительным данным, причиной трагедии могла стать либо техническая неисправность поезда, либо какие-то помехи на путях. Созданная комиссия, при поддержке полиции, пообещала выяснить истинную причину аварии в самые короткие сроки. Также, по словам официального представителя метрополитена, не исключен и теракт. Следующие новости с освещением развития событий выйдут примерно через полчаса, не переключайтесь!»

– Мой Бог! – ахнула журналистка. – Какой ужас! Бедные люди... Как такое могло произойти?.. Надо бежать в редакцию. Наверняка Лоран уже послал ребят на место аварии, и они должны вернуться с места трагедии с минуты на минуту. Очень хочется узнать информацию из первых рук.

Сказав это, Мано поднялась с кресла и начала быстро собираться. Вдруг внезапно пришедшая мысль заставила ее замереть на месте. «О Господи! А что, если причиной аварии послужил тот самый злополучный поезд?»

Надо сказать, что увиденный вчера ночью таинственный поезд не покидал мысли Мишель ни на минуту. С одной стороны, молодая женщина понимала, что это бред сумасшедшего и такого просто не могло быть, но с другой стороны, она ВИДЕЛА его собственными глазами. «Надо срочно ехать туда и все рассказать членам комиссии», – решила Мишель и

продолжила одеваться.

– А что, если они сочтут мои слова ахинеей, примут за абсурд? Я и сама не особо верю во вчерашнее видение. Да и свидетелей не было. Что делать? Опять-таки ситуация... Для начала неплохо было бы кому-то рассказать о поезде, а уж потом решать, как поступить дальше. Но вот кому? Аннет? Она начнет охать и ахать, а потом скажет, что я все выдумала. Лорану? Он поднимет меня на смех. Родители? Ну вот только этого им еще и не хватало. Они воспринимают все так болезненно. Нет, совершенно очевидно, что я не буду ничего им говорить... Вот черт, у меня нет никого, с кем бы я могла поделиться увиденным.

И тут женщина вспомнила о Жермене Кавелье, фотографии и друге по «станку».

– Как же я могла про него забыть? Жермен точно не будет надо мной смеяться. Он, чего греха таить, недалекий малый, с головой погруженный в свою работу, но он, по крайней мере, дослушает историю до конца и не будет задавать лишних вопросов.

Подойдя к телефону, она набрала номер и через несколько секунд услышала знакомый голос:

– Алло... алло, я слушаю.

– Привет, Жермен, это Мишель.

– Салют, солнце, как дела? Ты уже знаешь, что произошло? Паршивая ситуация, однако, – его слова то и дело пропадали в гуле других голосов.

– Ты где сейчас? Я тебя плохо слышу, – переспросила Мишель, хотя и так знала, что Жермен всегда находится в самых горячих точках.

– Как только Лоран узнал о происшествии, то сразу же направил меня сюда. Кстати, он был очень-очень зол, узнав, что тебя еще нет на рабочем месте. Куда ты запропастилась?

– Долгая история, – уклонилась от прямого ответа журналистка. – Мне надо с тобой встретиться.

– Тогда приезжай сюда, тебе все равно статью об этом писать, – предложил Жермен.

– Пусть этим займется Аннет, а у меня и без нее хватает работы, – ответила журналистка. – Давай встретимся через полчаса и парке Тюильри, напротив детской площадки. Договорились?

– Солнце, я даже не знаю... Надо же репортаж доделать до конца. Что скажет Медный лоб?

– Да плевать я на него хотела. Позвони Аннет и скажи ей, чтобы написала статью. Она это сделает не хуже меня. До встречи! Через полчаса, не опаздывай.

– Тебе легко говорить, – проворчал Жермен, как всегда во всем сомневающийся.

Именно эта черта его характера сильно раздражала Мишель. Решительная и деятельная, быстро реагирующая на любые жизненные ситуации, журналистка никак не могла понять осторожного и неуверенного фотографа, не склонного к авантюрам и принятию спонтанных решений. И только

трепетные чувства, испытываемые им к Мишель, заставляли Жермена пересиливать себя и следовать за журналисткой, хотя часто ее поступки противоречили его принципам. Вот и сейчас он не очень-то хотел бросать работу, желая собрать как можно больше материала, но уверенный и твердый тон Мишель в который раз заставил молодого человека подчиниться требованиям журналистки.

– Салют, солнце, а вот и я, – добродушно улыбнувшись, проговорил Жермен, увидев сидящую на скамье Мишель.

– И как всегда, опоздал, – проворчала та, устав ждать фотографа.

– Не ворчи, – поцеловав ее в щеку, весело произнес Жермен. – Мне же надо было доделать работу!

– Как там?

– Паршиво, если не сказать большего. Кстати, я удивлен: такое из ряда вон выходящее событие, а ты даже не заинтересовалась им. Я тебя не узнаю. Что случилось? Ты не больна? Уж больно ты бледная сегодня.

– Случилось, и очень даже многое. Пойдем, пройдемся, и я расскажу тебе обо всем.

Она поднялась со скамьи, и они неспешным шагом направились по аллее к Лувру. Рассказ оказался достаточно длинным, так как Жермен постоянно прерывал ее, задавая всевозможные вопросы. Наконец, Мано замолчала и, остановившись, внимательно поглядела на молодого человека.

– И что ты на это скажешь?

– Надо же, – пробормотал он, пребывая в глубокой задумчивости. – И что ты намерена предпринять?

– Пока не знаю, – пожалала плечами журналистка, продолжив движение. – Я хотела сообщить эту информацию комиссии, занимающейся расследованием аварии, но боюсь, они сочтут меня ненормальной.

– Весьма возможно, что все так и будет, – подтвердил ее опасения фотограф.

– И что делать тогда? Что бы ты предпринял на моем месте?

– Я бы... я бы подождал, все бы взвесил, прежде чем рассказывать о ночном происшествии.

– Считаешь, что надо обо всем умолчать? Ведь этот таинственный поезд может быть как-то связан с аварией!

– Мишель, я не хочу ничего утверждать, но ты сама сказала, что сильно устала вчера. Может быть, все это тебе только привиделось?

– Значит, ты мне не веришь? – вспыхнула журналистка, гневно поглядев на фотографа.

– Верю, но...

Тут раздался телефонный звонок.

– Салют, Аннет.... Да, Мишель рядом со мной. Дать ей трубку? Хорошо!.. Возьми, это Аннет. Говорит, что очень срочно.

– Алло, Нетти, что стряслось? – взяв телефон, спросила Мишель. – Что?.. Хорошо, мы едем!

– Куда мы едем? – осведомился Жермен.

– В департаменте Эсон поезд сошел с рельсов и потом врезался в платформу.

– Господи! – прошептал ошеломленный фотограф. – Этого еще не хватало.

– Поехали!

Через сорок минут они уже были на месте. Картина, представшая перед ними, потрясла друзей. Покореженные вагоны, находившиеся на железнодорожном полотне и на платформе, стоны раненых людей, испуганные и ошеломленные лица свидетелей, мимо которых спасатели проносили трупы пассажиров, упакованные в черные мешки, разбросанные повсюду вещи...

– Здесь нельзя находиться, – подойдя к ним, сказал высокий человек в форме полицейского.

– Мы журналисты, – машинально доставая из сумочки удостоверение, произнесла Мишель, не в силах оторвать взгляда от ужасающей картины, и, показав полицейскому удостоверение журналиста, обратилась к Жермену: – Ты пофотографируй тут, а я пойду, опрошу свидетелей.

Поговорив с несколькими пострадавшими и свидетелями катастрофы и аккуратно записав всю информацию в записную книжку, Мишель хотела уже отыскать фотографа, чтобы сказать, что готова ехать, но тут ее взгляд остановился на женщине средних лет, небольшого роста, одетой в железнодорожную форму. Лицо ее застыло, как маска, но в глазах

читался сильный испуг. Сама не зная почему, Мишель, положив блокнот в сумку, решительным шагом направилась к ней.

– Простите, мадам, я могу задать вам несколько вопросов? – негромким голосом поинтересовалась журналистка. – Если я не ошибаюсь, вы дежурная на этой станции.

– Да, – едва шевеля губами, тихо ответила женщина и, переводя на Мишель невидящий взгляд, прошептала: – Я видела ЕГО!..

Глава 4

Немного оторопев от неожиданности, Мишель, еще понизив голос, переспросила:

– Вы видели... старинный поезд?

Женщина, продолжавшая с ужасом глядеть на искореженные вагоны, вздрогнула и испуганно уставилась на журналистку.

– Откуда вам это известно? – еле слышно прошептала она. – Вы тоже были свидетелем появления этого исчадия ада?

– Вы хотите сказать, что этой ночью мимо станции прошел старинный поезд? – уточнила Мишель, пытаясь найти связь между своим видением и видением дежурной по станции.

– Вот именно, все так и было. Около часа ночи я услышала какой-то грохот. Сначала мне показалось, что приближается грузовой состав, так как я отчетливо слышала стук колес и лязг сцепов, но потом... потом меня охватило странное тревожное чувство, заставившее выйти на платформу. А когда я вышла...

– Мимо вас пронесся старинный локомотив, окутанный белым туманом, и три синих вагона с надписью «Санетти» на боку.

При этих словах женщина вскрикнула и отпрянула от журналистки. Ее лицо исказилось от страха.

– К-кто вы такая? – дрожащим голосом спросила дежурная. – Чего вы от меня хотите?

– Не бойтесь меня, мадам, прошу. Я журналист газеты «Ле Монд». Вот мое удостоверение, – сказала Мишель, вытаскивая из сумки документ и пытаясь хоть как-то успокоить перепуганную женщину. – Мне очень важно знать: видели ли вы поезд, описанный мною, или ваше видение было иным?

– Он был точно таким, как вы его описали, мадемуазель. Я боялась говорить об этом кому-либо, так как думала, что меня сочтут за сумасшедшую...

Женщина залилась горячими слезами. Мишель подошла к ней и, приобняв дежурную за плечи, мягко проговорила:

– Все будет хорошо. Вы совершенно нормальная, поверьте мне. Вам ничего не почудилось: поезд и вправду был. Но, откровенно говоря, я на вашем месте не стала бы пока распространяться о том, что вы видели поезд-призрак. Забудьте на время, это в ваших же интересах.

– Х-хорошо, – дрожа всем телом, промолвила дежурная. – Я буду молчать.

– Вот и отлично!.. Думаю, вам следует взять отпуск и немного отдохнуть.

– Я уже и сама подумывала об этом, – закивала головой женщина. – Спасибо большое!

– За что? – удивилась Мишель.

– За то, что выслушали меня. Мне очень хотелось поделиться с кем-то произошедшим. Спасибо, что не рассмея-

лись мне в лицо.

– Я как никто другой понимаю вас и, поверьте, разделяю ваше состояние, – журналистка на секунду замялась, но потом выпалила: – Я видела этот поезд вчера поздно вечером в метро... А утром... А утром произошла та ужасная катастрофа. Теперь ваш поезд и... и опять катастрофа.

Сказав это, Мишель круто развернулась и поспешила к ожидавшему ее фотографу. Изумленная дежурная долго провожала взглядом журналистку, пытаясь вникнуть в суть сказанных ею слов. Когда же смысл дошел до нее, она ахнула: «Мой Бог, что же происходит?»

А между тем Мишель подошла к Жермену, с нетерпением поджидавшему ее.

– Паршивые у нас дела, я скажу, – произнес он, – только что звонил Лоран, он рвет и мечет.

– Что ему нужно? – безразлично спросила она.

– Шеф разыскивает тебя, грозя уволить, если ты не появишься в офисе через час. Тебе стоит поторопиться! Сейчас такие пробки.

– Да плевать я хотела на шефа, – огрызнулась Мишель. – Мне не до него сейчас.

– Что-то еще стряслось? – с тревогой в голосе поинтересовался Жермен.

– Стряслось, и даже очень многое. Пойдем! По пути все обсудим!

– Мы едем в редакцию?

– Нет, пока я все не выясню, я не поеду к Лорану.

– Солнце, ты с ума сошла? – фотограф остановился как вкопанный. – Да шеф с тебя шкуру спустит!

– Ну, во-первых, не с меня, а с нас...

– Что?! – прервал Жермен журналистку. – Однако... мы так не договаривались. А что, если...

– Если ты не поедешь со мной, куда я тебе скажу, можешь вообще забыть, что мы с тобой знакомы. Выбирай! – с вызовом отозвалась Мишель и быстрым шагом направилась к машине Жермена.

– Черт, ну и характер, – пробормотал фотограф и последовал за журналисткой.

Уже сев в машину, он спросил:

– И куда мы едем?

– В библиотеку, что рядом с Елисейскими полями.

– Зачем?! – Жермен не смог скрыть удивления.

– Помнишь, я рассказывала утром о призраке поезда вчера в метро?

– Ну и?.. Какая связь между твоим видением и нашим увольнением? – съязвил он.

– Самая прямая, – сделав вид, что она не заметила сарказма, спокойно ответила Мишель. – Дежурная по станции сказала мне, что сегодня ночью мимо нее пронесся точно такой же поезд. А это значит, что вчера мне ничего не почудилось.

– Надо же... – только и промямлил Жермен, пораженный услышанным. – Аж жуть берет... То есть ты хочешь сказать,

что между двумя этими катастрофами есть связь?

– Я пока не знаю, поэтому и хочу докопаться до истины, – ответила Мишель. – Мы поедем уже или будем стоять и болтать?

– Ладно, солнце, не злись, – похлопав ее по руке, сказал Жермен. – Через полчаса будем на месте. Обещаю!

Впрочем, быстро доехать им помешали бесконечные пробки, созданные большим количеством машин скорой помощи. Фотограф, утомленный таким движением, то и дело обращался к Мишель с жалобами, сетуя и на дорожные службы, и на водителей. Но Мишель мало обращала внимания на слова мужчины, поскольку была знакома с Жерменом больше семи лет, и ей был знаком его характер. Этот нескладный молодой человек двадцати восьми лет с кудрявыми русыми волосами и большими, как она бы сказала, «телячьими» глазами всегда вызывал у нее чувство жалости и раздражения одновременно. Вечно сетующий на судьбу, которая, по мнению самого фотографа, постоянно подвергает его, Жермена, разным испытаниям, на людей, не понимающих его, на нескончаемые болячки, молодой человек, тем не менее, был профессионалом с большой буквы, фотографом от бога. И за мастерство журналистка уважала его и прощала и надоедливое нытье, и постоянные опоздания, и ребячество.

– Паршиво, ой как паршиво, – пробормотал Жермен, разговаривая больше сам с собой, чем с Мишель.

– Что случилось? – прервав размышления, спросила жур-

налистка.

– На, прочитай сообщение от Лорана, – проговорил он, протягивая телефон.

– Даже напрягаться не буду, – оттолкнув его руку, ответила она. – Все, приехали. Припаркуй машину вон там и подходи ко мне. Я выйду здесь!.. Только бы мадам де Фарси была на месте...

– Адель! Мадам де Фарси! – позвала библиотекаря журналистка. – Вы здесь?

– Да, дорогая, – услышала она знакомый голос, раздавшийся откуда-то со второго этажа. – Чем я могу помочь?

– Пока не знаю, но, тем не менее, вы единственная, к кому я могу обратиться с подобным вопросом.

– Что произошло, моя милая? – спросила Адель, спускаясь по лестнице.

Мишель бросилась к ней, отметив про себя, что сегодня мадам де Фарси выглядит просто великолепно.

– Вы, наверно, слышали о происшествии в метро и на пригородной станции?

– Да, дорогая, безусловно, слышала. Какое несчастье! – подтвердила библиотекарь, сокрушенно покачав головой. – Две катастрофы в один и тот же день... Бедные люди!

– Да, Адель, это ужасно... Но я пришла по другому поводу... Кстати, знакомьтесь, – сказала Мишель, указав на вошедшего фотографа. – Это Жермен Кавелье, фотограф газеты «Ле Монд».

– Очень приятно, месье, – протягивая ему руку для пожатия, произнесла мадам де Фарси. – Итак, моя дорогая, чем я могу помочь столь очаровательным людям?

– Помните, вчера перед уходом вы дали мне прочитать статью про пропавший в 1911 году поезд?

– Конечно, помню. Я сейчас принесу ее. Пройдите в читальный зал! – жестом пригласила она молодых людей.

– Что еще за статья? И причем тут какой-то поезд, исчезнувший аж в 1911 году? Объясни мне, пожалуйста, что мы делаем в этой пыльной библиотеке вместо того, чтобы нестись в редакцию, где Медный лоб уже рвет и мечет? – с удивлением уставившись на журналистку, спросил Жермен.

– Немного терпения! – отмахнулась от фотографа Мишель.

– Ну вот, мои дорогие...

Мадам де Фарси после минутного отсутствия вернулась с толстой папкой, в которой находилась подборка газет, открытой как раз на той самой статье, которую Мишель читала вчера перед уходом.

– На, прочти, – взяв увесистую пачку газет из рук Адели и положив ее на стол, предложила Мишель.

– Зачем?

– Перестань задавать столько вопросов! – вспыхнула журналистка, гневно взглянув на него.

– Ладно, ладно, солнце, зачем так нервничать? Сейчас сяду и прочту дурацкую статью, если ты этого так хочешь. За-

чем кипятиться?

Жермен, что-то бормоча себе под нос, сел за стол и углубился в чтение предложенной статьи.

– Моя дорогая, а почему вас заинтересовала эта заметка? – шепотом спросила Адель. – Помнится, вчера вечером вы отнеслись к ней весьма скептически.

– Как сказать, – замялась журналистка. – Откровенно говоря, я и сейчас не совсем верю в то, о чем я расскажу, но тем не менее я должна поделиться с вами.

Отведя мадам де Фарси в сторону, Мишель поведала ей о событии, случившемся накануне, и о признании дежурной по станции.

– Вы понимаете, сначала я подумала, что это мое воображение сыграло злую шутку со мной, но после откровений дежурной я не знаю, что и думать.

– Кто бы мог предвидеть, – в задумчивости проговорила библиотечкарь. – Я никогда не предположила бы, что ЭТО случится у нас... Раньше он появлялся только там, где была хоть какая-то связь с итальянцами... А теперь... Что бы это могло значить?

– Ч-что? О чем вы говорите? Признаться, я не понимаю, Адель, – недоуменно уставившись на нее, произнесла Мишель.

– Видите ли, моя дорогая, – опустила глаза мадам де Фарси, сконфузившись. – Я... я внучка одного из двух пассажиров, которым удалось спрыгнуть с того злополучного поезда

в самый последний момент. Более того, я единственная, кто догадывается о причине его исчезновения.

– Вам известна причина? Но откуда? – опешила журналистка. – Из-за чего произошло такое неординарное событие, вы можете мне сказать?

– Это проклятие рода Саджино!..

Глава 5

– Проклятие?! – почти одновременно воскликнули журналистка и фотограф, уже прочитавший статью и присоединившийся к женщинам.

– Но о каком проклятии идет речь? – бросив недовольный взгляд на Жермена, спросила Мишель. – Я никогда не слышала об этом, да и в газете ни о чем таком не говорится.

– Разумеется, – улыбнувшись, ответила библиотекарь. – Вы и об исчезновении поезда тоже не знали до вчерашнего вечера, моя дорогая. Журналисты не могут объять необъятное.

– Вы рассказывали о проклятии кому-нибудь? Прессе, руководству железнодорожного транспорта, мэру? – фотограф засыпал вопросами мадам де Фарси, с любопытством рассматривая пожилую даму.

– Молодой человек, а как вы себе это представляете? – усмехнулась та в ответ. – Большинство людей... Нет, все сочли бы меня выжившей из ума старухой. Я и сама не склонна полностью верить в эту историю, но факты говорят сами за себя.

– Мадам де Фарси, – попросила пожилую работницу библиотеки Мишель, – а вы не могли бы поведать нам о проклятии вашей семьи? Обещаю: ни я, ни Жермен не будем смеяться над вами или воспринимать вашу историю как бред

сумасшедшей. Пожалуйста!

Адель с сомнением поглядела на журналистку и, отвернувшись, подошла к столу. Мишель видела, как тяжело дается ей решение посвятить незнакомых людей в семейную тайну, поэтому не торопила мадам де Фарси с ответом.

– Хорошо, мои дорогие, – наконец произнесла Адель, – я расскажу о злом роке, преследующем мою семью более трех веков... Пойдемте, я только что заварила вкусный час!

Войдя в помещение, уже знакомое ей, журналистка махнула фотографу рукой, приглашая его следовать за ней. Указав на стулья возле стола, Адель расставила чашки и вазочку с печеньем. Когда приготовления были закончены, мадам де Фарси разлила ароматный чай и затем присоединилась к гостям, ожидавшим начала повествования.

– Вы хотели рассказать нам о тайне, связанной с вашим родом, – напомнила ей журналистка, сгорая от любопытства. С нетерпением ожидала рассказа не только она, но и сидевший как на иголках Жермен.

– Я помню, дорогая, только вот не знаю, с чего начать.

– Мне кажется, будет лучше, если вы начнете рассказ с самого главного – с причины проклятия? – предложил фотограф.

– Хорошо, с главного, так с главного, – тяжело вздохнув, согласилась мадам де Фарси. – Наш род всегда был уважаем в Италии, особенно в Ломбардии, хотя и не отличался таким богатством и могуществом, как род Висконти или Сфорца.

Но у нас были обширные владения, родовой замок, много слуг и работников. Католическая церковь благосклонно относилась к роду Саджино благодаря богатым подношениям. Но так случилось, что один из братьев Саджино сбился с истинного пути, прямо-таки продал душу дьяволу, по-другому не скажешь. Случилось это в середине XVII века. Большая часть Ломбардии была под властью Испании уже больше ста лет. Следом за испанским владычеством пришла и Великая инквизиция. Разумеется, она существовала и при миланских герцогах, и при французской короне, на четверть века захватившей те земли. Но такую власть инквизиция получила только при испанцах. В рядах инквизиторов оказался и Джованни Саджино. С детских лет он слыл угрюмым, злобным и жестоким ребенком. Громом среди ясного неба для семьи стали слова восьмилетнего мальчика, выразившего желание изучать богословие, чтобы стать впоследствии проповедником. Его отдали в один доминиканский монастырь, где мальчик восемь лет изучал философию, богословие, церковное право и историю. А еще через шесть лет Джованни стал магистром богословия и ярым сторонником католицизма. Он поклялся на Библии, что не пожалеет сил для борьбы с ересью. «Ересь не может быть уничтожена, пока живы еретики. И избавить мир от них можно только двумя способами: либо вернуть их в лоно церкви, либо сжечь их плоть на костре и развеять пепел».

– Так ваш далекий предок стал инквизитором? – прервала

ее рассказ Мишель.

– Да, дорогая, – сокрушенно покачала головой мадам де Фарси. – Я не буду вдаваться в подробности, каким образом это произошло. Не проходило и дня, чтобы не загорались костры то в одном городке, то в другом. О методах воздействия на обвиняемых, применяемых, дабы грешники раскаялись в совершенных преступлениях против веры, ходили легенды, передаваемые друг другу шепотом. Страх обуял жителей Ломбардии. При виде движущейся по улице кареты Джованни люди закрывали окна и двери, прячась кто куда.

– Но при чем тут проклятие? – не выдержал фотограф, желавший поскорее узнать, как проклятие рода Саджино связано с исчезновением поезда.

– Я уже подхожу к главному, мой дорогой, – слегка улыбувшись, ответила библиотекарь. – Простите, если утомила вас...

– Да что вы такое говорите, Адель, и речи быть не может об этом, – бросив грозный взгляд на фотографа, заверила Мишель мадам де Фарси. – Мы с удовольствием слушаем вашу историю. Прошу вас, продолжайте!

– Ну хорошо, мои дорогие, тем более что осталось рассказать не так уж и много... Через пять лет после пребывания Джованни в рядах святой инквизиции в одном городке близ Бергамо случилась беда. Она-то и стала причиной всех бед моего рода.

Мадам де Фарси замолчала и, взяв чашку с уже давно

остывшим чаем, сделала из нее несколько глотков. В ожидании продолжения повествования фотограф нетерпеливо то теребил скатерть, то брал чайную ложку и, покрутив ее в руке, клал обратно. Мишель с недовольством поглядывала на молодого человека, ругая про себя Жермена за бестактность. Безусловно, ей и самой хотелось поскорее узнать до конца эту историю, но из уважения к пожилой даме она старалась не проявлять излишнего нетерпения.

– И что же произошло? – наконец решившись прервать затянувшееся молчание, спросила Мишель.

– Ох, мои дорогие, простите, – спохватилась мадам де Фарси. – Я задумалась. Старость, видите ли. На чем я остановилась?

– Вы начали рассказывать о беде, разразившейся близ Бергамо, – подсказал Жермен.

– Ах, да, само собой разумеется... В тот день, пятнадцатого июня, на религиозное торжество собралось очень много народа на главной площади городка. Но вместо того, чтобы прославлять и чествовать небесного покровителя своего города, толпа внезапно пустилась в безумный истерический танец. Как в бреду, празднично одетый люд совершал дикие прыжки, размахивая изо всех сил руками. Некоторые падали на землю, словно в припадке, корчась в судорогах, потом опять вскакивали и продолжали дергаться в неистовом танце. При этом все, как один, выкрикивали непристойные слова и призывали дьявола. Священник пытался их образу-

мить, Господом заклиная народ одуматься, но одержимая бесом толпа набросилась на него и затоптала ногами. Потом люди ворвались в храм и начали там все крушить и ломать. Разграбив собор, безумцы подожгли его и, осыпая проклятиями Иисуса Христа, продолжили дергаться и кривляться. Так прошел час, два, три. Наступил вечер, а люди и не думали останавливаться. Они падали, потом вставали, опять падали, а затем вновь неведомая сила поднимала их.

– Это какое-то безумие. Неужели то, что вы нам рассказываете, не выдумка? – не веря своим ушам, спросил фотограф.

– Мой дорогой, мне уже не по возрасту выдумывать, – ласково поглядев на Жермена, произнесла мадам де Фарси. – Я рассказываю лишь то, что сама читала в детстве. Этот документ хранится в нашем роду уже много веков, и сейчас я – единственная наследница. После моей смерти прервется род Саджино, и, стало быть, прервется и проклятие.

– А в чем же оно заключается? Вы так и не рассказали нам, Адель, – в душе Мишель профессиональный журналистский интерес наконец-то взял верх над вежливостью.

– А я уже подхожу к самой сути нашей семейной истории, – спокойно ответила библиотекарь. – Наступила ночь, позволившая одному-единственному монаху, которому удалось избежать расправы, выбраться из городка. Не разбирая дороги, служитель церкви побежал за помощью в Бергамо, где в тот момент находился инквизитор Джованни Са-

джино. Долго пришлось спасшемуся монаху убеждать инквизитора, что он не разбойник и не бродяга. Наконец, убедившись в правдивости слов несчастного, обессилившего от страха и усталости, Джованни выказал желание немедленно отправиться в «город, погрязший в грехе и распутстве». Прибыв туда после полудня, инквизитор застал толпу в том же точно состоянии, что и описывал монах: люди совершали отрывистые, нескоординированные движения, словно исполняли какой-то судорожный танец. Невооруженным глазом было видно, что люди устали и сильно истощены. Тем не менее они продолжали двигаться как заговоренные. Но не изможденные лица безумцев привлекли внимание инквизитора. Неподалеку от дергающейся толпы стояла высокая худощавая старуха и с легкой улыбкой спокойно наблюдала за происходящим. На руках у нее лежал черный кот, которого она периодически поглаживала. «Немедленно схватить ее и доставить в Бергамо!» – приказал Джованни. Старуха попыталась скрыться от слуг инквизитора, но те оказались проворнее, и уже к вечеру палачи допрашивали странную женщину.

– А что произошло с несчастными жителями города?

– К сожалению, в манускрипте ничего об этом не говорилось. Я попыталась выяснить, что могло приключиться с ними, как вообще можно объяснить произошедшее в том городке. Это похоже на коллективный приступ болезни, которую ученые называют пляской Святого Вита. Она может

быть вызвана различными причинами. Но почему случилось такое буйное помешательство у всех горожан одновременно, так и осталось тайной.

– А что стало с той старухой? – поинтересовался Жермен.

– Ей предъявили обвинение в колдовстве, посчитав, что она и околдовала людей, напустив на них порчу.

– И что же с ней стало?

– А что происходило с людьми, обвиненными в колдовстве? – горько усмехнулась библиотекарь. – На следующий день ведьму сожгли на костре, хотя только светский суд должен был решать ее судьбу. Но Джованни, объявив всем собравшимся на площади, что имеет неоспоримое доказательство вины странной женщины, решил самолично уничтожить «корень зла». Старуха лишь посмеялась в ответ на обвинения, не сказав ни единого слова в свою защиту. Но перед тем, как огонь поглотил ее, она выкрикнула проклятие, адресованное инквизитору. Ведьма прокляла весь наш род до тринадцатого колена, сказав, что все представители мужского пола рода Саджино умрут загадочной смертью, а самому последнему из них суждено вечно скитаться между мирами в чреве огромной змеи...

Глава 6

Мишель и Жермен добрались до редакции газеты «Ле Монд» только под вечер. Часы журналистки показывали почти семь. Многоэтажное стеклянное здание было освещено только наполовину, так как многие сотрудники уже покинули офис. Остались только те, кто отвечал за набор в печать нового номера. На месте был и Лоран, с нетерпением поджидавший журналистку. Войдя в здание, Мишель поприветствовала охранника и, вызвав лифт, повернулась к Жермену.

– Никому ни слова о том, что ты сегодня услышал, понял? Мы теперь в одной упряжке, поэтому советую держать язык за зубами.

– Что ты собираешься делать? – с подозрением поглядев на молодую женщину, спросил фотограф. – И как ты намерена оправдываться перед Лораном? Из-за тебя нас теперь могут уволить, если уже не уволили. Ох, говорил же я тебе: выйдет нам боком эта история.

– Вот и хорошо, так как я все равно собиралась написать заявление об уходе.

– Что?! – с удивлением уставился на нее Жермен. – Солнце, ты с ума сошла? Почему ты собираешься увольняться? А как же я? Ты обо мне подумала? Что будет со мной?

– Я не требую от тебя подобного подвига...

– То есть? Я что-то не пойму тебя. Ты увольняешься, а я

остаюсь здесь один?

– А ты считаешь, что я должна пресмыкаться перед человеком, находящимся в издательстве без году неделя, который после каждого прочтения моей статьи (а я не такой уж плохой журналист, ты знаешь об этом сам) всегда твердит одно: «Ну что сказать, мадемуазель Мано? Эта незатейливая статейка ниже всякой критики». Откровенно говоря, я устала от подобного обращения. Лоран ест меня поедом, а я должна терпеть?

– Он пытается довести тебя до белого каления, так как не может простить прежних побед. Наш бывший шеф всегда выделял тебя, ставя всем в пример. И Лоран знает об этом. Но ты тоже должна понять его. Сейчас ему нелегко: новый коллектив, к тому же сложившийся коллектив, в котором уже существуют свои лидеры, порядки и законы. Ко всем хорошо бы приглядеться, ко всем надо бы приспособиться.

– Да что ты? – усмехнулась Мишель. – Только я вот что-то в толк не возьму: почему всегда я оказываюсь крайней? И почему только меня он старается уязвить побольнее?

– Солнце, ты просто накручиваешь себя. Все не так уж паршиво. Лоран – сложный человек, но и к нему можно найти подход... Ладно, не заводись, – добавил Жермен, увидев вспыхнувшие от гнева глаза Мишель. – Я только...

Он не договорил последнюю фразу из-за подъехавшего лифта. Двери открылись, и они вошли внутрь. И тут, пора-

женный внезапной догадкой, Жермен повернулся к журналистке и выпалил:

– Солнце, подожди! Уж не хочешь ли ты сказать, что планируешь начать расследование того странного исчезновения?

– А если и так, – неопределенно протянула Мишель, но посмотрела на фотографа с вызовом.

Внезапно тот взорвался:

– То есть ты хочешь сказать, что согласна поставить на кон карьеру ради какой-то химеры, научно не обоснованного факта? И причем не только свою карьеру, но и мою, впуская меня в эту дурацкую историю. Какого черта ты делаешь? Ты готова посвятить всю жизнь изучению этого идиотского проклятия, якобы увлекшего в иное пространство поезд или, как старуха сказала, в «кротовую нору»? Надо же... Что за бред! Ты только послушай себя!

– Да, ты совершенно прав, – спокойным голосом ответила журналистка. – Я серьезно хочу заняться этим делом. Мне хочется понять, что на самом деле произошло с поездом и является ли его исчезновение следствием того самого проклятия, или существуют другие причины? А главное, я хочу узнать, куда делись люди и почему состав до сих пор возвращается. По сути, если мне удастся ответить на вопрос, что стало с ним и какая существует связь между поездом-призраком и сегодняшними катастрофами, это станет открытием века. Разве не интересно узнать разгадку подобной тай-

ны? Разве ты не хотел бы найти ответ на эту загадку? Да к тому же мне очень хочется чем-нибудь помочь мадам де Фарси. Мне больно видеть одиночество этой милой пожилой дамы.

– Ты всегда была... чокнутой, не от мира сего, – покачал головой Жермен, с сомнением взглянув на Мишель. – Дурасти больше, чем разума. Стань ее опекуной или... как там называется... компаньонкой, и дело с концом.

Большие серые глаза журналистки потемнели, а бледное лицо застыло в презрительной гримасе.

– Я не прошу никого помогать мне, – сухо проговорила Мишель. – Более того, если ты и дальше хочешь исполнять прихоти Медного лба, испытывающего административный восторг, унижая других, то это твое право. Как говорится – вольному воля! И не смей названивать мне больше! После твоих слов я видеть тебя не хочу!

Двери лифта открылись, и она стремительно вышла из него.

– Ладно, ладно, – поспешив за ней, примирительно заговорил Жермен, осознав, что перегнул палку. – Ну, извини, я не то хотел сказать. Ты же знаешь мое косноязычие.

Не обращая внимания на слова фотографа, Мишель проследовала в рабочий кабинет, где молодую женщину поджидала Аннет, не столько сгорая от нетерпения, сколько цепенея от ужаса: шеф метал гром и молнии, проклиная журналистку за отсутствие на рабочем месте и грозясь ее уволить,

если та не появится в офисе до конца рабочего дня.

– Буриданов осел⁹! – хлопнув дверью, воскликнула Мишель. – Иуда продажный!

– И тебе привет, милая. Я так понимаю, ты виделась с шефом? – с любопытством посмотрев на нее, спросила Аннет.

– Да нет, еще не успела дойти до Медного лба, но, откровенно говоря, настроение как раз соответствующее, – мрачно заметила Мишель, садясь в кресло. – Что тут происходило в мое отсутствие?

– О, всего и не расскажешь в двух словах. Медный лоб грозился тебя растерзать, когда ты появишься. Он названивает постоянно, спрашивая, не вернулась ли ты в офис. Так где ты была? Жермен был с тобой? Его тоже никто не мог найти, а материал уже нужно было сдавать в печать, час назад.

– Я сделаю сейчас, – тяжело вздохнув, произнесла Мишель, включая компьютер.

– Ты не волнуйся, я все написала за тебя... Вот, прочитай! Жермену только останется подставить фотографии с места событий, и статья готова. Правда, я здорово придумала?

– Спасибо большое, милая Нетти, – улыбнулась журналистка, с благодарностью посмотрев на подругу. – Ты так меня выручила! Что бы я без тебя делала?

– Ладно, проехали, – засмеялась та. – Для чего еще нужны друзья? Так ты не ответила: где ты была? Жермен был с то-

⁹ Буриданов осел – здесь в смысле: нерешительный человек.

бой, как обычно? Небось, завалились в какое-нибудь укромное местечко и вино попивали? Мы так делали с мужем до свадьбы... Помню как сейчас...

– Во-первых, никогда больше не произноси при мне этого имени, – прервала ее воспоминания Мишель. – Я не хочу больше ничего знать об этом человеке. А во-вторых... мне пора идти к Лорану.

Уже стоя в дверях, журналистка повернулась к опешившей подруге и тихим голосом добавила:

– Прости, Нетти, я не могу тебе всего рассказать. Пока не могу.

И молодая женщина прикрыла за собой дверь, оставив Аннет одну, весьма озадаченную реакцией Мишель на слова о фотографе.

– Что могло произойти между ними? Почему Мано так взорвалась только при одном упоминании о нем? Может быть, он опять сделал ей предложение, а она отшила его в очередной раз? Вряд ли. Это уже было. А может быть, Кавелье бросил ее? Так Мишель не воспринимает Жермена всерьез. Да и зачем это ходячее недоразумение нужно ей? Не человек, а двадцать два несчастья! Вечно с ним что-то происходит... Эх, я бы многое отдала, чтобы узнать, что же случилось на самом деле между этими двоими.

Пока Аннет размышляла над странным поведением подруги, та продолжала свой путь к кабинету шефа. Встречающиеся на пути коллеги с любопытством оглядывали жур-

налистку и смотрели ей вслед, перешептываясь друг с другом. Им было хорошо известно о мрачном настроении начальника, вызванного тем, что Мишель и Жермен не вышли на связь после инцидента под Парижем.

– Салют, Маноша, – поприветствовал ее ласковым прозвищем Поль Готье, выпускающий корректор. – Что ты творишь? У меня выпуск на носу, а твоей статьи и фото Кавелье еще нет в наборе. Горим!

– Прости, Гого, сейчас все будет, – не останавливаясь, ответила журналистка и вошла в приемную главного редактора.

– Мадам Мано, – пролепетала испуганным голосом Жюли, – ох, вы и не представляете, как зол... наш Медный лоб. Он находится в таком раздраженном состоянии, что я боялась заходить к нему.

– Да ладно, не переживай, – попыталась приободрить секретаршу Мишель. – Казнь египетская мне уже не страшна.

– Что? – захлопала глазами Жюли, не поняв, о чем идет речь.

– Да не бери в голову, – ответила журналистка и с силой потянула на себя дверь, ведущую в кабинет Лорана. «И откуда берутся такие пустоголовые девицы? Где их обучают бестолковости?»

– А-а, мадам Мано, – язвительно протянул Лоран, увидев входящую журналистку. – На ловца и зверь бежит. Признаться, я уже и не ожидал увидеть вас, особенно в столь поздний

час. С чем пожаловали?

– Вот статья, которую вы ждали.

– Вы смотрели на часы, мадам Мано? Они показывают половину восьмого.

– Поль сказал, что...

– Что новый выпуск задерживается? – прервал ее Лоран. – Да, и он прав. И все из-за ВАС и этого... Кавелье.

Вскочив с кресла, главный редактор заметался по кабинету, давая волю гневу.

– Задерживается, и еще как задерживается, мадам Мано! И все благодаря вам и этому фотографишке, возомнившему себя новым Анри Картье-Брессоном¹⁰. Где, позвольте спросить, вас носило? Не прерывайте меня! Я еще не все сказал. Да что вы себе позволяете? Если вы и были в числе фавориток при прошлом руководстве, это не значит, что вы остались ею и сейчас. И если я говорю прибыть на работу немедленно, значит, вы должны все бросить и ехать... нет, нестись сломя голову прямо сюда. Если я говорю, что статья дрянь, вы обязаны пойти и переделать ее, и неважно, сколько раз придется переписывать. Здесь Я говорю что, как и когда необходимо делать. Вам все ясно?

– Да, ясно, – сухо ответила Мишель, удивляясь внутреннему спокойствию. – Жать, где не сеял – хорошая политика, господин Бонне. Вы – неплохой делец, надо сказать! Толь-

¹⁰ Анри Картье-Брессон является «отцом» современной фотожурналистики и одним из мастеров так называемых «искренних» фотографий.

ко позвольте спросить: вы как планировали въехать в рай? На чужой спине? Думаете, что вас погладят по головке за это? Я очень сомневаюсь. Откровенно говоря, я даже уверена, что эффект от подобной политики будет противоположным. Впрочем, господин Бонне, вам никто и ничто не может помешать и дальше командовать марионетками, если они позволяют издеваться над собой. А с меня достаточно! Я долго терпела ваше самодурство, заносчивость и нахальство. Хотите меня уволить? Не трудитесь. Я сама уйду, по собственному желанию. Заявление будет у секретаря.

– Позвольте узнать, куда? – растерявшись от неожиданного поворота событий, поинтересовался Лоран. – Вы же не можете вот так бросить газету! Вы нашли новое место? Не сомневаюсь, наши конкуренты с руками оторвут такого специалиста, как вы. Но не забывайте, что характеристику вашему новому руководству буду давать я. И не сомневайтесь, она будет худшая за всю историю человечества!

– Даже не сомневаюсь в вашей щедрости... Я пока не знаю, что буду делать дальше. Надо уметь довольствоваться достигнутым. Попробую поискать себя на другом поприще. Прощайте, господин Бонне!

Журналистка бросила на стол лист со статьей и, повернувшись спиной к главному редактору, направилась к двери.

– Постойте, Мишель, – окликнул молодую женщину Лоран, опешив. – Вы действительно вот так все бросите и уйдете? Как такое возможно? Вы – ведущий журналист газеты!

Ваши статьи всегда на первых полосах газеты! Многие читатели покупают нашу газету только ради того, чтобы прочитать ваши ироничные, но в то же время раскрывающие самую суть статьи.

– Я БЫЛА на первых полосах газеты до вашего воцарения в редакции, и у меня было вдохновение для работы. Боже, с каким удовольствием я летела на работу, в командировки, на мероприятия, брала интервью, общалась с множеством интереснейших людей. Но ваше сумасбродство отравило и уничтожило желание писать. Три месяца ада убили во мне журналиста. С этого дня у меня начинается новая жизнь, в которой вам, газете и бесконечным интервью нет места. Прощайте!

Глава 7

Мишель находилась в растрепанных чувствах. С одной стороны, она была счастлива, что ей не придется больше работать на тирана и терпеть придирки, но с другой стороны, Маноша кривила душой, говоря, что больше не хочет писать. Нет, хочет, и еще как! Ей очень нравилась журналистская работа. Еще с раннего детства она мечтала стать репортером и освещать самые интересные события, случавшиеся в мире. И вот теперь, закрыв за собой дверь редакции, она стояла на тротуаре и чувствовала себя бездомной собачонкой. «Черт! – выругалась про себя журналистка. – Не думала, что будет так плохо на душе. Такое ощущение, что дома лишилась». Взглянув на черное небо, по которому неслись низкие темно-серые грозовые тучи, Мишель тяжело вздохнула. «Не хватало еще опять под дождем промокнуть». Поудобнее перехватив тяжелую коробку с личными вещами, она побрела к остановке такси, так как ехать в метро с таким грузом не было сил.

Придя домой, Мано первым делом проверила автоответчик, у которого, как оказалось, память была полностью забита многочисленными сообщениями. Большинство из них были от Лорана, Жермена и Аннет, поэтому, не дослушав их до конца, Мишель все стерла. «Да пропади все пропадом! Чего ты расклеилась? – стала ругать журналистка саму се-

бя. – С завтрашнего дня начинается новая жизнь. Впереди у тебя расследование загадки века! Считай, что получила задание от редакции. Да если тебе удастся докопаться до истины, то статья станет сенсацией, бомбой. Она будет печататься на первых полосах самых известных газет. Ну, а если нет... пойду в какую-нибудь газетенку, благо, их сейчас много, или перееду к родителям на ферму и продолжу дело отца: буду разводить лошадей. Так что, как говорили в древней Спарте, – «на щите или со щитом!»

Наутро все сомнения, терзавшие Мишель вечером, испарились. Молодая женщина ни на минуту не сомневалась, что приняла правильное решение. Наспех позавтракав и предупредив родителей по телефону, что она будет занята до самого вечера, журналистка отправилась в библиотеку, где ее уже поджидала мадам де Фарси. Еще накануне молодая женщина пообещала приехать утром в библиотеку, чтобы собрать как можно больше информации о самом поезде, о тоннеле и о процессах, в результате которых стало возможным исчезновение. В то утро Мишель еще не предполагала, с чем ей предстоит столкнуться и какие испытания ей суждено преодолеть, подвергнувшись смертельной опасности во время расследования.

– Моя дорогая, вы успели позавтракать? – спросила Адель после приветствия.

– И да и нет, – улыбнувшись, произнесла журналистка, снимая пальто. – Откровенно говоря, мне кусок не лезет в

горло от нетерпения. Я хочу поскорее приступить к нашим делам.

– Я понимаю ваше нетерпение, дорогая. Вот, посмотрите, что я приготовила для вас вчера вечером. Это все, – библиотекарь указала на увесистую папку, – я собирала на протяжении нескольких десятков лет. Здесь вырезки из газет, журналов, научные статьи. Кстати, я думаю, будет полезно почитать и эту книгу.

Работница библиотеки протянула Мишель небольшую брошюру в невзрачной обложке. «Армин Джозеф Дейч. Лист Мебиуса», – прочитала она про себя.

– Какое отношение эта книга имеет к исчезновению поезда?

– А вы прочтите ее для начала, – загадочно улыбнулась мадам де Фарси, – а уж потом вы и сами ответите на свой вопрос... Располагайтесь поудобнее в кресле, моя дорогая. Если что-то понадобится, то позовите меня. Кстати, я пролистала мою записную книжку и обнаружила телефон старинного друга, профессора университета из Бордо. Он на самом деле уже давно не преподает, но я уверена, еще не успел потерять свои знания. К тому же он как раз сейчас в Париже и сказал, что ему не составит труда подъехать часикам к шести. Вы ведь никуда не торопитесь? Если проголодаетесь, то я позвоню племяннику. Жан-Анри приготовит фирменное блюдо. Кстати, дорогая, вы произвели на него такое впечатление, что он третий день только о вас и говорит... О, про-

стите меня! Вам надо работать, а я все болтаю и болтаю...

– Не стоит извиняться, мне всегда приятно поговорить с вами... Спасибо, Адель, – с благодарностью поглядев на пожилую даму, ответила журналистка и погрузилась в чтение книжки. Это был фантастический рассказ о пропавшем поезде 87 в лондонском метро. В нем автор попытался объяснить причину исчезновения, а впоследствии и возвращения состава спустя два месяца. Мишель настолько погрузилась в чтение, что ничего не замечала вокруг: ни людей, приходивших и уходивших из библиотеки, ни Адели, несколько раз подходившей к ней, ни дребезжащего в сумке телефона.

– Ох, вот это да, – закрыв брошюру и положив ее на колени, пробормотала журналистка. – Однако и занесла меня нелегкая... В этом деле и за год не разобраться.

Мишель бросила взгляд на толстую папку и, отложив брошюру в сторону, открыла ее. «Да тут непечатый край работы! Что ж, начнем!»

Время стремительно несется вперед, особенно когда ты по горло завален делами, и трудно за ним угнаться. Это особенно чувствуется в больших городах, когда дни сменяются ночами, а неделя уступает место другой так быстро, что оглядываешься назад и думаешь: «Только вчера был понедельник, а завтра – уже суббота. Как такое могло произойти? Что ты делал все эти дни? Чем занимался?» Кажется, только что встретили Новый год, а через какое-то мгновение уже начинается пора летних отпусков. Ребенок пошел в первый

класс, а через миг он уже оканчивает школу, и его серебристый чистый голосок, к которому ты привык, начинает ломаться, а бархатистые щечки уже требуют бритвы. Еще вчера ты была беззаботной девушкой, неслась на первое свидание, смущалась от первого поцелуя, мечтала о любви как у Ромео и Джульетты, а сегодня благородные седины покрывают твою голову, а детки, окружившие тебя заботой и вниманием, называют «бабулечкой». «Минуты, как резвые кони, летят. Посмотришь вокруг – уже близок закат», – сказал древний восточный философ и поэт, и не ошибся. Поэтому любой промежуток времени – час, минута, мгновение – должен восприниматься как бесценное благо, данное нам Богом, и быть наполнен смыслом. Непозволительно для мыслящего существа относиться ко времени беспечно и легкомысленно!

– Моя дорогая, разреши тебе представить старинного друга, о котором я тебе говорила утром, – услышала Мишель голос библиотекаря. Журналистка оторвалась от бумаг, лежавших на столе, и невидящим взглядом уставилась на подошедших людей. Она не сразу поняла, о чем идет речь, так была погружена в материал, собранный мадам де Фарси. Ей показалось, что прошло совсем немного времени с момента начала работы, но, взглянув на настенные часы, Мишель ахнула: время подбиралось к половине седьмого вечера.

– Вот, познакомься: Франсуа Лемур, доктор физических наук, «книжный червь», как мы дразнили его в Университете. Долгое время преподавал в Бордо, сейчас уже десять

лет на пенсии, но продолжает заниматься наукой. Над чем ты сейчас работаешь? – обратилась Адель к нему.

– Я сейчас занимаюсь очень интересной темой, Адель. Век назад один русский ученый предложил создать туннель, вакуумный туннель, в котором бы электрический поезд мог перемещаться на магнитной подушке. Тогда предложение показалось чем-то из рода фантастики, но благодаря современным технологиям это стало возможно. Ну, если точнее сказать, почти возможно. Мы над этим работаем. Вот совсем недавно...

– Ой, вот, пожалуйста, только не начинай читать нам лекцию, – взмолилась библиотекарь. – Моя дорогая, Франсуа, если сядет на любимого конька, то может говорить не часами, а сутками. Я права, дорогой?

– Адель, если ты все время будешь меня перебивать, то я просто обижусь и уйду, – насупился профессор, не любивший, чтобы его высказывания прерывали.

– Вот он всегда такой, – пожурела Франсуа мадам де Фарси. – Как что не по нему, сразу начинает обижаться... Ну перестань злиться. Я пригласила тебя совсем не за этим.

Мишель смотрела на двух пожилых людей и улыбалась. Они вели себя не как солидные люди, обремененные грузом прожитых лет, обретшие знание жизни, опыт и мудрость, а как два подростка, только что закончившие первый курс. «Наверно, и я такой же буду. Ведь в душе мы не стареем, и морщинами покрываются только наше лицо и тело, но не

душа».

– Чем же я могу помочь? – спросил Франсуа Лемур, удивленно уставившись на женщин. – Адель, я тебя не понимаю.

– Это не удивительно, дорогой, ты же все время говоришь и не даешь нашей очаровательной гостье и слова произнести.

– Мадам...

– Мадемуазель, – поправила профессора журналистка. – Можно просто Мишель. Я очень рада с вами познакомиться, господин Лемур. Вы простите меня за то, что вам пришлось в такой час приехать сюда.

– Не стоит извиняться, мадемуазель. Если бы не вы, Адель ни за что бы не позвонила бы мне после того случая...

– Не стоит вспоминать об этом, – сухо проговорила мадам де Фарси. – Не думаю, что Мишель интересуют твои ошибки молодости.

– Да, разумеется, – покраснел профессор и, чтобы скрыть неловкость, повторил вопрос: – Так чем я могу помочь?

– Откровенно говоря, мне нужна кое-какая информация, точнее, небольшое разъяснение неких физических явлений.

– А что именно?

– Да как сказать? Мне бы хотелось узнать о пространстве и времени, о хрональном поле и червоточинах. В общем, все то, что могло бы мне помочь понять, возможны ли перемещения во времени или нет.

Слова журналистки настолько изумили Франсуа Лемура, что он в замешательстве даже снял очки и начал интенсивно

протирают их чистым платком.

– Мадемуазель, не могу сказать, что ваш вопрос тривиален... Да уж... Поставили вы меня в тупик.

– Франсуа, я не понимаю, а что в этом такого? – укоризненно посмотрев на него, произнесла пожилая библиотечкарь.

– Я так понимаю, что Мишель в курсе твоего прошлого?

– И что из этого? – пожала плечами мадам де Фарси. – Она не только в курсе, но и стала свидетельницей происходящего.

– Как это? – не понял профессор. – Свидетелем чего?

Журналистка поняла, что скрывать информацию не имеет смысла, и в двух словах рассказала о таинственном поезде-призраке в метро и о показаниях железнодорожной смотрительницы.

– Ну и что ты теперь на это скажешь? Все еще считаешь меня сумасшедшей? – с вызовом поглядела на старого друга Адель. – Так ведь ты назвал меня около трех десятков лет назад?

– Прости, я был неправ.

– То-то же.

– Я еще не договорил, – прервал пожилую женщину Франсуа. – Я и сейчас не особо верю, что такое может быть.

– Да как ты можешь? – глаза мадам де Фарси наполнились слезами.

– Подождите, подождите! – вмешалась Мишель в разговор, видя, что ситуация выходит из-под контроля, и словес-

ная перепалка между пожилыми людьми может вылиться в новую ссору. – Давайте разберемся для начала, с какими фактами мы имеем дело, а уж потом будем решать: правда ли все это или нет.

– Я уже не раз говорил Адель, что с точки зрения физики это невозможно, хотя общая теория относительности Эйнштейна и допускает существование червоточин, так как в основе его теории лежит так называемое искривление пространства и времени под воздействием массы.

– Ну вот видишь, ты сам себе противоречишь! – вскричала мадам де Фарси.

– Ничего я не противоречу! – разволновавшись, парировал профессор. – Какая же ты упрямая! Ну не мог твой поезд просто так исчезнуть! Сказки все это! Для того, чтобы такой огромный поезд исчез, понадобилась бы энергия чуть ли не всей Вселенной!

– Но он исчез на глазах у деда! – воскликнула Адель, ударив по столу кулачком.

– Который потом долгое время провел в клинике для душевнобольных, – пробормотал Франсуа.

– Убирайся! – еле сдерживая гнев, сказала мадам де Фарси. – Прости, дорогая, я совершила ошибку, пригласив этого человека сюда. Мне казалось, что профессор поможет тебе разобраться во всем. Я ошиблась! Франсуа остался таким же скептиком, как и раньше! Прости меня, я должна успокоиться. Поговорим обо всем завтра.

Прерывисто вздохнув, Адель отвернулась и, украдкой смахнув набежавшую слезу, пошла в каморку. Глядя на удаляющуюся поникшую фигурку, Мишель почувствовала жалость к этой странной, но симпатичной и душевно-тонкой женщине. «Я не могу ее бросить. Никак не могу! Во что бы то ни стало я узнаю правду!»

– Господин Лемур, а мы можем поговорить с вами в каком-нибудь другом месте? В паре кварталов отсюда есть очень уютный ресторан. Уверена, что там никто не помешает нам побеседовать.

– Хорошо, – пожал плечами профессор, – хотя я не представляю, что я могу сказать по поводу исчезновения того самого поезда, да и вообще перемещений в прошлое или будущее. Как ученый я отвергаю подобную возможность. Наука находится настолько далеко от понимания этих явлений, что и говорить в принципе не о чем. В самом деле, есть ученые, допускающие существование червоточин в квантовой пене, подобно Стивену Хокингу, но я не отношусь к их числу.

– При всем при том вы сможете хотя бы объяснить мне кое-какие понятия и термины. Дать, так скажем, общие представления. Я – журналист, и, сами понимаете, имею очень скудные знания в области физики. Только в рамках школьной программы... Ну, пожалуйста, пойдете! – настойчиво повторила просьбу Мишель.

– Я согласен, но сразу предупреждаю: ничего сверхъестественного! Только наука и еще раз наука.

– Да, безусловно, как скажете, – легко согласилась с профессором журналистка и, взяв его под руку, направилась к выходу.

Глава 8

*Пространство переходит во время,
как тело в душу.*

Новалис

Уже позже, сидя в уютном ресторане, находящемся в самом сердце исторического центра Парижа, они продолжили прерванный в библиотеке разговор.

– Значит, вы считаете, что путешествия во времени – это абсурд?

– А вы – нет? – в задумчивости разглядывая журналистку, произнес профессор Лемур. – На первый взгляд, вы совершенно здравомыслящая женщина. Сказать по правде, я вообще не могу понять, как вы могли поверить в историю Адели. Этот таинственный поезд, семейное проклятие... А вы в курсе, что дед мадам де Фарси, якобы выпрыгнувший из поезда, долгое время лечился в больнице для душевнобольных, а когда его выпустили, стал затворником и почти ни с кем не разговаривал?

– Вы предполагаете, что это выдумки пожилой дамы?

– Я познакомился с ней еще в институте. Ее будущий муж был моим одногруппником. Странной она была всегда. Мы называли девушку чокнутой, был такой грех, но только за глаза. Адель всегда была мила и добра, поэтому не хотелось обижать несчастную.

– Но все-таки, а что говорит наука об этом? – не унималась Мишель, желавшая во что бы то ни стало докопаться до истины. – Откровенно говоря, я вот почему спрашиваю: недавно мне поручили написать статью об одном странном случае, произошедшем в прошлом с самолетом. Он исчез с радаров, а потом появился совсем в другом месте и через несколько десятилетий. Что вы можете сказать мне по этому поводу? Тоже бред? Но случай подтвержден документально.

Профессор пожал плечами.

– Это чья-то грубая шутка, желание привнести абсурд в действительность. Странно, что вы, журналисты, ловитесь на подобную глупость раз за разом. Хотя я понимаю – рейтинги.

– Ну хорошо, – продолжила Мишель, слегка уязвленная подобным высказыванием. – Но все же я не поверю, что ученые никогда не занимались подобными вопросами. Взять того же Эйнштейна. Как же его теория о пространстве и времени? И что говорят эксперименты?

– Вы говорите об эксперименте «Филадельфия»?

– Именно о нем. А до того был Тесла, можно сказать, основоположник идей, развитых Эйнштейном. Как они относились к идее о возможном перемещении во времени?

– Ох, мадемуазель, а вы настырная, – улыбнулся профессор Лемур. – Хорошо, я попытаюсь рассказать в двух словах о самой теории и о пространстве, если этого желаете. А уж потом вам решать: верить ли в научные доводы или же поддаваться обаянию фантастических рассказов.

Мишель улыбнулась и, достав блокнот для записей и ручку, приготовилась внимательно слушать доводы профессора, отрицавшего все, чего не могла объяснить его наука.

– Итак, я начну с того, что можно прочитать в любой энциклопедии или в учебнике физики... Я так понимаю, курс лекций по этому предмету вы слушали не особо внимательно.

– Да как сказать, – замялась журналистка, слегка покраснев.

– Я так и понял. Ладно, продолжим... Всем временным отношениям в мире свойственна определенная длительность, представляющая собой последовательность сменяющих друг друга моментов и состояний. И если пространством можно назвать порядок сосуществования материальных образований, их структурность и протяженность, то время – это характеристика взаимодействия объектов, смены их состояний, протяженности процессов, а также их последовательности. Это пока понятно?

– Н-не совсем, – смущенно пробормотала Мишель, густо покраснев.

– Я так и думал, – сокрушенно покачал головой пожилой профессор. – Хорошо, давайте я сформулирую понятие времени по-другому. Время – это характеристика протекания физических и психологических процессов, некая мера, позволяющая измерять их длительность. В его течении происходят события, факты. Время является одной из координат

системы единого пространства-времени, о котором говорил в свое время Эйнштейн.

– Ну, это более доступно для меня, – рассмеялась журналистка. – Если я правильно поняла ваше разъяснение, то время можно представить в виде непрерывной линии происходящих процессов.

– Вы не так безнадежны, как я подумал о вас вначале. Не обижайтесь, мадемуазель, я всегда был резок со студентами. Профессиональный недостаток.

– Да нет, ничего, – улыбнулась Мишель, мысленно представив грозного профессора, стоящего за кафедрой и бросающего суровый взгляд из-под густых бровей на сидящих в аудитории студентов.

– Хорошо, тогда двинемся дальше... Я не буду особо нагружать ваш мозг информацией. Вам ни к чему знать, что пространство и время помимо метрических свойств обладают еще и топологическими. Понятием времени и пространства, как вы правильно заметили, занимались многие ученые, философы и, к прискорбию, дилетанты.

– Дилетанты?

– Я говорю о немецком философе и писателе Шпенглере. Его культурологические работы, где он оперирует понятием времени, многие хвалят, но я скептически отношусь к использованию гуманитариями терминов физики... Но оставим Шпенглера в покое и вернемся к научному подходу...

– Мне бы хотелось поближе познакомиться с теорией от-

носительности, – перебила профессора журналистка, сделав какие-то пометки в блокноте. – Что говорит великий ученый о возможности перемещения во времени?

– Мадемуазель, вас не так-то легко переубедить, как это показалось мне в первый момент.

– Да уж, это тоже профессиональный недостаток. В моей профессии так заведено: если надлежит что-то выяснить, то дойди до истины, ни перед чем не останавливайся. Вот мой девиз!

– Хорошо, – улыбка слегка тронула мрачное лицо пожилого профессора Лемура. – Ну что ж, надо отдать должное, в теории относительности нет ничего, что могло бы исключить эту возможность. Но все же само путешествие НЕВОЗМОЖНО, так как это нарушает принцип причинности... Ну как вам объяснить?... Грубо говоря, яйцо не может появиться раньше, чем появится курица. Вот как вы себе это представляете? В прошлое попало яйцо, оно случайно было кем-то разбито. Тогда курица, которую мы сейчас видим, не могла бы появиться на свет. И что тогда? Но ведь вот она, перед нами. Полный абсурд, надо сказать! То есть делаем вывод: причина всегда предворяет следствие. Это понятно?

– Разумеется, господин Лемур, – подтвердила Мишель. – Но все же...

– Вот здесь мы и сталкиваемся с проблемой причинности, так как некоторые решения уравнений Эйнштейна приводят нас к временеподобным замкнутым кривым, как бы возвра-

щающимся в ту же точку, откуда было начато движение. Но ведь это только интересные теоретические конструкции, лишённые реального смысла!

– А что насчет существования червоточин? Это тоже из разряда фантастики?

– Хорошо, я отвечу. Нет, это не совсем фантастика. В основе теории относительности лежит искривление пространства-времени за счет или, скажем по-другому, под воздействием массы предполагаемого предмета... К примеру, возьмем вот эту салфетку...

Профессор развернул салфетку и положил на стол, перед глазами заинтригованной журналистки.

– Вот представьте себе, что салфетка – это пространство-время. Разумеется, это грубая модель, так как в ней пространство двумерно, но все же. Если я возьму один край салфетки и соединю его с другим, то площадь пространства не уменьшится, однако расстояние между этими двумя концами будет намного меньше. Поэтому гипотетически... я повторяю, **ГИПОТЕТИЧЕСКИ**... я допускаю наличие так называемых кротовых нор, но экспериментально доказать, что такое возможно, не может ни один ученый.

– То есть, – задумчиво произнесла Мишель, глядя на салфетку, – теоретически некий туннель мог бы соединить, при наличии каких-то особых условий, две эти точки, несмотря на то, что они лежат в разных плоскостях.

– Теоретически, да. В книге «Кратчайшая история вре-

мени» Стивен Хокинг (вы, вероятно, слышали об этом известном английском физике-теоретике) написал, что норы или, как их еще называют в научном мире, червоточины могут существовать в самой мелкой среде во Вселенной. По его словам, червоточин вокруг нас очень много, но увидеть их невооруженным глазом невозможно, так как их формирование происходит на квантовом уровне. Они появляются в имеющихся трещинах. Утверждение Хокинга основывается на том, что в любом, даже самом гладком предмете, имеются, при многократном увеличении, и трещины, и пустоты. Пространство также имеет некий вакуум, где и зарождаются червоточины, которые то появляются, то исчезают, связывая две разные точки. Но они чрезвычайно, чрезвычайно малы. И для того, чтобы человек смог воспользоваться червоточинами, потребовалось бы значительно увеличить их размер, а также найти источник колоссальной энергии. Возможно, когда-нибудь такое и произойдет, но, по моему мнению, это путешествие будет односторонним, то есть в одну сторону, ибо вы никогда не сможете вернуться обратно. Желая искусственным образом заставить туннель работать в стабильном состоянии, человек, таким образом, может повредить, а в итоге и уничтожить саму червоточину. Это видно на примере динамика: если звук направить на него, то он сломается.

– Значит, – подводя итог сказанным словам, сказала Мишель, – вы твердо уверены, что ни один ученый так и не смог найти способ стабилизировать червоточину? Ну, по крайней

мере, на сегодняшний момент.

– Мадемуазель, – насмешливо глядя на журналистку, ответил профессор Лемур, – в наше время, полное завистников, расцветшего тщеславия и больших информационных возможностей, трудно было бы утаить столь неординарное открытие. Хотя я и допускаю, что Эйнштейн сумел докопаться до истины после ряда экспериментов. Ведь поговаривают (правда, достоверно это никак не подтверждено), что он сжег последние работы. Возможно, в них был ответ на все ваши вопросы... Видите, мадемуазель, к сожалению, я ничем не смог вам помочь. Поэтому мой вам совет: не стоит верить в истории, которые невозможно объяснить с научной точки зрения. А что касается Адель... Мне жаль ее. Всю жизнь мадам де Фарси прожила, веря в проклятие, нависшее над их семьей. Из-за него она развелась с мужем, не родила ребенка, побоявшись, что продолжится полоса несчастий и бед. Люди, друзья и просто знакомые сторонились мадам де Фарси, думая, что она спятила... Оставьте это дело, вы все равно не сможете ей помочь. Это только ее болезненное воображение. Просто будьте рядом, когда Адель потребуются помощь и внимание. Мне кажется, этого более чем достаточно. Простите, мадемуазель, но у меня поезд через час с четвертью.

– Вас проводить? – любезно поинтересовалась Мишель, вопросительно взглянув на собеседника.

– Нет, благодарю, я возьму такси. Мне необходимо еще заехать за вещами в отель.

– Спасибо большое за то, что уделили мне время, господин Лемур. Мне было очень приятно побеседовать с вами. Удачи!

– Взаимно! И... помните совет! Прощайте!

Тяжелой походкой уставшего от жизни человека профессор Лемур скрылся за дверью. Мишель, отрешенно глядя ему вслед, подумала: «Но рассказ Адели и ее деда не может быть выдумкой. А как же задокументированные факты исчезновения поезда, самолета, а потом их таинственное появление. Действительно, в каких-то случаях это, может, был и розыгрыш, но...» Тут у нее задребезжал в сумке телефон. Вытащив аппарат, журналистка увидела номер и тотчас же сбросила вызов. «Как это человек не понимает, что все кончено! – раздраженно подумала она. – Глуп, как павлин!» Впрочем, не прошло и минуты, как телефон затрещивал опять.

– Да что ты будешь делать! – пробормотала Мишель и нажала на кнопку «ответить». – Что тебе надо, Жермен? Я, по моему, все уже сказала! После тех слов я не желаю ни слышать тебя, ни видеть! Прощай!

– погоди, Солнце, не бросай трубку. Я нашел нечто полезное для тебя.

– В смысле? – удивилась журналистка. – Откровенно говоря, я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Ты ведь встречалась сейчас с профессором Лемуром, так?

– А... откуда тебе это известно? Ты следишь за мной? – Мишель готова была уже взорваться от охватившей ее злости.

– Нет, с чего ты взяла? Я что, агент 007? Ладно... я разговаривал с мадам де Фарси.

– Да? Ну и что? Тебе-то какое дело, с кем, когда и где я встречаюсь?

– Адель сказала, что ее знакомый – редкостный зануда и наверняка приведет массу аргументов, чтобы убедить тебя в психическом расстройстве пожилой женщины.

– Как она могла обо мне так подумать? – насупилась Мишель. – Хорошо... Я потом поговорю с ней. Тебе-то что надо?

– Если я не ошибаюсь, ты ищешь канал, по которому был бы возможен переход в другое измерение?

– А ты его, естественно, знаешь, – съязвила журналистка. – Ученые не догадались, а никому не известный самоучка-фотограф Жермен Кавелье все знает.

– Не язви, солнце. Нет, не угадала. Это не я нашел способ перемещения, а мадам де Фарси. И мы ждем тебя прямо сейчас в библиотеке.

– Буду через десять минут! – мгновенно отозвалась Мишель и, нажав на отбой, отключилась.

Глава 9

– Вы не знаете, почему Мишель Мано написала заявление об уходе? – раздался тихий голос в ночи, который был еле слышен за шумом дождя.

– Нет, господин Бонне, мне не известны ее истинные мотивы, – прозвучал ответ, – хотя я и догадываюсь о причине.

– Вот черт! Наверняка эта ведьма что-то задумала! Я не верю, что можно вот так просто уйти, оставив доходное место и перспективы. Не ве-рю!

– Если хотите, то я могу спросить Мано об этом или проследить за ее передвижениями. В конце концов, мы с ней не разлей вода. Столько лет вместе! Думаю, она расскажет мне все.

– А вы далеко пойдете, как я погляжу. Вы рискованный человек. Можете продать кого угодно и что угодно. Ну, а меня?

– Ну что вы, господин Бонне. Я самый преданный человек во Вселенной. Вот только не все это понимают и ценят. Эта выскочка была всегда на первом месте. Все хвалили и восхищались Мишель. Моя семья не стала исключением, вот и приходилось, и приходится постоянно напоминать окружающим о своем существовании. Так что если вы сможете оценить мои старания по достоинству, то моя верность будет непоколебима.

– Обиженный человек – самый опасный человек, – с сомнением поглядев на собеседника, ответил Бонне. – Хорошо, можете прощупать мадемуазель Мано. Но только действуйте крайне осторожно!

– Мишель, ну куда ты пропала? – услышала журналистка голос подруги, ответив на очередной звонок. – Ты поступаешь нечестно! Ушла из редакции, ничего никому не сказала. Я же с ума схожу! Мы столько лет вместе, мне-то уж могла бы сказать, куда ты делась, что собираешься делать, и вообще...

– Аннет, у тебя все? – слегка раздраженно спросила Мишель. Она была раздосадована тем, что подруга отвлекает ее пустой болтовней.

– Нет, не все! – с вызовом ответила та. – В конце концов, я не чужой тебе человек. Наши матери были лучшими подругами, ты что, забыла?

– Да уж, с тобой забудешь, – устало буркнула себе под нос журналистка. – Ладно, проехали... Прости... Откровенно говоря, сейчас не самый подходящий момент, чтобы все разъяснить тебе, Нетти. Во-первых, уже достаточно поздно, а во-вторых, меня ждут.

– И кто он? – тут же зацепилась Аннет на последние слова. – Я знаю таинственного незнакомца? Это Жан? Или ты еще что-то от меня утаиваешь?

– Нет, это не Жан, а Жермен, – устало проговорила Мишель, не в силах уже отвечать на многочисленные вопросы подруги.

– Но мне показалось, что ты порвала с ним?

– Это чисто деловая встреча.

– А-а-а, значит, ты все-таки что-то затеваешь! – с торжеством в голосе проговорила Аннет. – Ну Маноша, ну, пожалуйста, хоть полсловечка, хоть четверть словечка... ну хоть намекни!

– Давай договоримся так, – прервала журналистка подругу. – Я расскажу тебе все, но только тогда, когда сама посчитаю нужным. Извини, мне надо идти. И, пожалуйста, не обижайся. Хорошо?

– Хо-ро-шо, – задумчиво протянула Аннет, услышав в трубке короткие гудки. – Не хочешь говорить, и не надо. Узнаю сама!

Оставив подругу размышлять над сказанным наедине с телефоном, Мишель поспешила обратно в библиотеку, где ее поджидали мадам де Фарси и Жермен. На едва переступившую порог журналистку обрушился поток обвинений, связанный с нежеланием поторопиться, в то время как случилось так много интересного.

– Молодой человек, – заступилась библиотекарь за Мишель, – я бы попросила вас немного сбавить тон. Вы разговариваете прежде всего с женщиной, а уж потом – с коллегой.

– Кстати, да, – утвердительно закивала головой молодая женщина, насмешливо поглядев на обескураженного фотографа.

– Простите... я... я был неправ, – пробормотал тот, густо

покраснев.

– То-то же, – весело добавила мадам де Фарси и тут же переменяла тему для разговора: – Моя дорогая, как прошла ваша беседа? Уверена, Лемур не поскупился на «нежные» слова в мой адрес. Впрочем, я сама виновата, так как понадеялась на его помощь. Увы, я ошиблась. Он считает меня сумасшедшей до сих пор. Не так ли?

– Мы поговорили очень мило, – отделалась Мишель общей фразой. – Откровенно говоря, я узнала много интересного и нового для меня. Я никогда не любила физику, поэтому мои знания были, да и есть, весьма скудными. Но некоторые сведения, о которых сообщил профессор Лемур, будут весьма и весьма полезны... Так что тебе удалось найти?

Журналистка вопросительно посмотрела на Жермена, переминавшегося с ноги на ногу. Вид нерешительного, внутренне зажатого и закомплексованного фотографа всегда раздражал Мишель. «Удивительно, как он стал успешным профессионалом? Ну да ладно. Стоит ли размышлять об этом хотячем недоразумении?»

– Мне?

– Ну не мне же! Ты сам позвонил мне и сказал, что нашел способ пробраться в прошлое.

– Способ пробраться в прошлое?

– Да, в прошлое... Что ты так удивленно смотришь? Ты издеваешься надо мной? – в сердцах вскричала молодая женщина. – Тебе, видимо, это доставляет явное удовольствие.

– Погоди, солнце, не кипятись, – Жермен поспешил пригасить пламя, охватившее журналистку. – Я ничего такого не говорил.

– Что?

– Моя дорогая, послушайте, – мадам де Фарси решительно вмешалась в разговор двух коллег. – Молодой человек пришел ко мне со словами, что ему удалось выяснить, как древние могли попасть в кротовую нору. Он искал тебя, вот я и сказала, что ты на встрече с моим старым знакомым.

– Нет, ну надо же было такое сказать, – возмутился Жермен, косясь на журналистку. – Нашел способ... Да даже если бы и нашел, то вряд ли сказал бы тебе об этом, солнце. Делай все сама! А то сделаешь доброе дело, а на тебя ушат грязи выльют... Простите, мадам де Фарси, я, видимо, зря пришел сюда. Спокойной ночи!

– Стой! – ошеломленно воскликнула Мишель. – Какое тут «спокойной ночи»? Я несусь сюда сломя голову... я ругаюсь с лучшей подругой...

– Ты и с ней уже успела поругаться? – насмешливым тоном спросил Жермен. – Как это ты все успеваешь?

– Может быть, хватит пикироваться, мои дорогие? – повысив голос, сказала Адель, уставшая от словесной перепалки. – Я пожилой человек, и мне не пристало слушать вашу ругань, особенно в столь поздний час. Либо вы сейчас же перестаете обмениваться колкостями и перейдете к делу, либо закройте дверь с другой стороны и забудьте обо всем.

Слова мадам де Фарси возымели отрезвляющее действие, и две горячие головы, принеся извинения друг другу и Адель, понемногу остыли. Усевшись за стол, все трое молча переглянулись.

– Наконец-то, – улыбнулась библиотекарь, – я вижу перед собой двух очаровательных молодых людей, а не парочку гинен. Уж простите за такое сравнение.

– Еще раз извините нас, – сокрушенно покачала головой Мишель. – Поверьте, нам очень жаль.

– Ничего, такое со всяким бывает. Вот, помню...

– Простите, что перебиваю, милая Адель, но не могли бы мы приступить к делу, – прервала ее журналистка.

– Ах, ну естественно, – спохватилась мадам де Фарси, – о чем я только думаю. Итак...

– Итак, – Жермен решительно перехватил нить разговора, – вчера, а уже, точнее, позавчера, мы расстались с Мишель недовольные друг другом. Я был несправедлив и резок в высказываниях, наверно, сказался суматошный день. Но ночью, размышляя о событиях, участниками которых мы стали, я пришел к выводу, что поступил опрометчиво, отказавшись помочь тебе, Мишель. К твоему сведению, я тоже уволился из газеты, так что теперь мы вместе сможем приступить к расследованию.

– Кто тебя просил об этом? – брови журналистки взлетели вверх. – И Медный лоб тебя отпустил?

– А я и не спрашивал. Просто положил заявление на стол,

и все. Кстати, он шептался о чем-то с Аннет, когда я вошел в кабинет. Она, справедливости ради сказать, потом сразу ушла, но...

– Ну естественно, бедняжке приходится теперь работать за двоих, – пожалела Мишель подругу.

– Возможно... Но сейчас я не об этом... Я сегодня копался в интернете весь день и вот что нашел там интересного.

Жермен вытащил из сумки папку, в которой лежали несколько распечаток. Вытащив их из файла, он положил листки на стол и пододвинул к журналистке.

– Что это? – подозрительно поглядев на фотографа, спросила Мишель.

– А ты возьми, прочти.

Взяв со стола листки, молодая женщина начала их просматривать, периодически вопросительно поглядывая то на Адель, то на Жермена. А содержимое статей и впрямь было очень интересным, так как информация носила другой характер, нежели то, о чем толковал профессор Лемур пару часов назад. «Существование параллельных миров всегда волновало не только умы наших современников, но и древних людей. Последние свято верили в них и полагали, что попасть в прошлое или будущее можно с помощью неких «врат». Зная нужное место и время (а врата открывались не всегда, а только в строго определенный момент) и правильное заклинание, можно легко совершить перемещение. Вместе с тем, важно помнить, что очень часто люди, попав туда,

не возвращаются обратно».

– И что это? – прочитав первый абзац, спросила Мишель.

– Ты читай дальше, – сердито бросил фотограф, насупившись.

– Да ладно, что ты бурчишь...

«На юге Перу, недалеко от гряды Хайюмарка, ученые обнаружили подобные врата. Местные жители утверждали, что, в соответствии с древними легендами, эти врата ведут в «город Богов». Об их существовании знали еще инки, считавшие себя хранителями прохода в другие миры. Более того: они не только охраняли «кротовину», но и пользовались ею, приводя в действие с помощью священного диска, спрятанного последними жрецами на дне озера Титикака. Следующие известные врата расположены на Юго-западе США, рядом с городом Седона. В этом районе очень часто пропадают люди. Кроме того, периодически появляются странные животные и проявляются различные световые эффекты. В эти моменты техника в домах окрестных жителей как будто сходит с ума, приводя в ужас своих хозяев. Но этими точками не исчерпывается существование особых мест на Земле. В Англии исследователи аномальных явлений обнаружили два места, которые, возможно, являются проходами в иные миры. Одни врата расположены на самой южной оконечности Англии, другие – в старинном шотландском старинном замке. И в первом, и во втором случае имели место частые загадочные исчезновения людей, а порой – появление незна-

комцев, одетых в странную одежду; наблюдалось необъяснимое сияние, сопровождающееся глухой ритмичной музыкой, больше похожей на вибрацию, а иногда и появление густого вязкого тумана. Чаще всего эти явления происходили в середине августа, с периодичностью в двадцать лет. Если верить древним легендам, именно в это время связь между мирами делается возможной и позволяет совершить путешествие не только в прошлое, но и в будущее».

– Ну, что скажешь? – вопросительно поглядев на Мишель, произнес Жермен. – Неплохую информацию я нарыл?

– Да как тебе сказать, – отрешенным голосом отозвалась та, – я пока не могу ничего тебе ответить. Мне надо подумать и соединить воедино сведения, полученные из разговора с профессором, с теми, которые я почерпнула только что. Однако...

– Однако ты не веришь, что такое возможно, ведь так? Ладно, не бери в голову. Я так и знал, что не стоило браться за это паршивое дело.

– Да погоди, не заводись! Я же не сказала, что не верю. Просто мне требуется время, чтобы научные факты и псевдонаучные домыслы пересеклись в какой-то точке.

– Мне, вероятно, надо было с самого начала рассказать, дорогая, еще об одном факте, – наконец заговорила Адель, молчавшая до сих пор, – но я побоялась, что вы примете меня за душевнобольную.

– Дорогая Адель, как вы могли подумать обо мне такое? –

укоризненно посмотрев на пожилую женщину, сказала журналистка. – Я считаю вас абсолютно здравомыслящей и рассудительной. Так о чем вы хотели рассказать мне?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.